

XII.

ДВА ПИСЬМА.

Выше я указывалъ, что въ англійскихъ книжкахъ нерѣдки цитаты изъ русскихъ солдатскихъ писемъ. Я даже перевелъ два отрывка. Не дико ли, что русскія письма приходится разыскивать въ Лондонѣ и печатать ихъ въ переводѣ съ англійскаго, а въ Россіи такъ-таки не нашлось никого, кто бы ихъ собралъ и издалъ. Да послужить эта маленькая книжка укоромъ косному русскому обществу, которое словно забыло, что голосъ рядового Иванова нынѣ есть голосъ народа.

Интересно бы сравнить эти нынѣшнія русскія письма съ нѣмецкими. Различіе двухъ національных стихій сказалось бы съ небывалою яркостью. Порою сама жизнь наталкиваетъ насъ на сравненія, — какъ это случилось съ корреспондентомъ „Рѣчи“ С. Кондурушкинымъ, который одновременно, одно за другимъ, нашелъ на полѣ сраженія два однородныхъ письма, одно—русское, другое — нѣмецкое. Разница оказалась разительная.

Г. Кондурушкинъ рассказываетъ:

„Стали попадаться австрійскіе трупы. Впервые увидѣлъ группу изъ трехъ: два лежатъ рядомъ, чернородые и строгіе мадьяры, третій упалъ головой къ нимъ на колѣни, лицомъ кверху. Послѣдній—молодой, вихрастый, тощій, голова безъ картуза. Похожъ на подмастерье-сапожника. Подъ шинелью на немъ куртка суслинаго мѣха, лицо по впадинамъ рта, глазъ и подбор-

родка покрыто снѣгомъ. Подъ полой у него письмо, написанное по-нѣмецки. Я взялъ его. Малограмотная женская рука, нѣкоторыя слова трудно понять. Вотъ что я наконецъ прочиталъ въ немъ послѣ нѣкоторыхъ усилий. Позвольте его привести здѣсь цѣликомъ. Право же, около трупа очень хочется знать, какими интересами жилъ человѣкъ.

— „30/I. 1915. Дорогой Густавъ! Ты мнѣ всегда пишешь, что не получаешь отъ меня письма. Я тебя еще разъ спрашиваю, для чего ты взялъ задатокъ на бураки? Никогда въ жизни я еще не страдала такъ, что ты взялъ. Адресъ Юзефа Врана пѣхотный 54 полкъ, вторая запасная рота, третій взводъ, Ольмюцъ, госпитальныя казармы.

Дорогой Густавъ, напиши мнѣ, сколько ты взялъ денегъ взаймы отъ Аксмана? Ибо Аксманъ говоритъ, что ты взялъ 18 гульденовъ, а ты мнѣ однажды сказалъ, что 15. Если бы ты могъ видѣть, какія умныя твои дѣти. Особенно маленькая Луиза. Она сказала мнѣ, когда я тебѣ писала, чтобы тебѣ кланяться, и Густавъ тоже.

Мы зарѣзали черную свинью, она оказалась супоросой. Десять поросятъ было бы, если бы была живая. Очень кланяются семьи Гофмана и Вагнера. У Циммермановъ не продаютъ ужъ молока. Я продала телку за 137 гульденовъ. Меринъ уже сдохъ. Кобылу Лери мы должны были тоже отдать. Получаемъ 425 гульденовъ. Сердечные привѣты и веселаго скорого свиданья, желаемъ всего лучшаго всѣмъ мы. Твоя Луиза“.

Я опять осмотрѣлъ Густава подробно. Заскорузлыя руки, потерты на колѣняхъ штаны, башмаки изъ грубой кожи потрескались, какъ земля въ бездождье. Чортъ возьми, Густавъ, твои посмертныя видѣнья! Черная супоросая свинья, меринъ, телка, задатокъ на бураки, восемнадцать гульденовъ занялъ у Аксмана... Ужъ, конечно, восемнадцать, это ты слукавилъ передъ своей Луизой на три гульдена, бѣдный Густавъ... И на бураки зада-

токъ ты взялъ передъ войной и увезъ его съ собой. Я бы не винилъ тебя, но вотъ Луиза сердится...

Когда я шелъ къ телѣжкѣ по лѣсу, стало въ немъ тихо. Я уже не слышалъ ни стоновъ ни шороховъ. Звонко стрекотала сорока. И мнѣ не было жалко Густава.

По лѣсу ходять люди, собирають трупы, свозять ихъ на ручныхъ санкахъ въ кучи, роютъ могилы. Разбѣжался народъ и испуганъ, нѣтъ мужиковъ, и поле битвы убирается медленно. На голой взлобинѣ собрана цѣлая куча труповъ. Могила роется большая. Мужики работаютъ сосредоточенно и молча. Рядомъ—нѣсколько снаряженныхъ телѣжекъ. Солдаты сидятъ кучкой у костра. Горитъ какое-то ароматное дерево, и запахъ его подобенъ ладану.

Въ мгlistыя дали тянутся корявыя линіи окоповъ. Въ концѣ длинной канавы складывается другая куча труповъ. Мальчишка выбралъ себѣ лучшую солдатскую сумку, надѣлъ черезъ плечо и дѣловито ходить вдоль окопа, смотреть, гдѣ еще трупы.

Вѣроятно, были здѣсь и трупы русскихъ. На полѣ побѣды ихъ, во всякомъ случаѣ, было мало, и они выбраны вчера или, можетъ-быть, подняты сразу своими товарищами. На смятомъ мѣстѣ въ снѣгу я нашелъ и русское письмо къ солдату. Вотъ оно какое:

— „1915 года мѣсяца января 29 дня. Письмо отъ родного вашего дяденьки Θεодосія Фоковича и отъ тетиньки Акулины Петровны до своего дорогова и родного племянничка Θεодора Петровича. Извѣщаю я тебе, мой любезный и незабвенный Θεодоръ Петровичъ, что я получилъ отъ тебе письмо 29 января и твоя жена тоже того же числа получила письмо и принесла ко мнѣ читать, то я, мой дорогой племянничекъ, Θεодоръ Петровичъ, былъ такъ радъ, что ни могъ изъ людьми говорить, сталъ ево читать при людяхъ и усѣхъ прослезилъ за ваши похождения. И спаси Христосъ тебя, мой племянничекъ, что ты на этомъ свѣтѣ насъ ни забываешь.

И посылаю тебѣ нашъ дорогой Ѳеодоръ Петровичъ низжающее почтеніе и низкій поклонъ и желаю тебѣ отъ Господа Бога усега хорошаго. Дай Богъ вамъ гиройскую минуту чтобы побѣдить врага ненавистнаго, жаднаго Антихриста. А ты нашъ дорогой Ѳеодоръ Петровичъ у какихъ мистахъ ни будешь, забывай Царя Небеснаго, Онъ тебе не оставитъ“...

Дальше идутъ поклоны, однообразная музыка которыхъ такъ много расскажетъ о родныхъ и домѣ солдатскому сердцу... Я не вижу лица Ѳеодора Петровича, ни живого ни мертваго, но я отлично вижу, какъ его дядя, Ѳеодосій Фоковичъ, читаетъ письмо при людяхъ, и какъ потомъ дома, въ тотъ же вечеръ, онъ пишетъ своему дорожному племяннику письмо. Онъ двигаетъ бровями, жуетъ усы, дуетъ на непослушное перо. А тетенька Акулина Петровна сидитъ тутъ же на лавкѣ, одна рука подъ грудями, другая подпираетъ щеку. И старая бабка, мать Ѳеодосія Фоковича, лежитъ на печи. Хотѣлъ Ѳеодосій Фоковичъ и о хозяйствѣ написать, а бабка съ печи гудитъ глухимъ басомъ:

— Не тревожь ты парня, до того ли ему тамъ!..

И Ѳеодосій Фоковичъ радостно согласился:

— Правда, мать. Шутъ съ нимъ и съ хозяйствомъ. Вернулся бы живой...

„Никто не видѣлъ,—говоритъ г. Кондурушкинъ,—какъ неудержимо и горячими струями текли мои слезы, когда я читалъ письмо Ѳеодосія Фокича“. („Рѣчь“ 8 марта 1915).

Конечно, г. Кондурушкинъ оказался черезчуръ впечатлителенъ. Не всѣ же нѣмки пишутъ только о свиньяхъ, не всѣ же русскіе—о Господѣ Богѣ. Не станемъ обобщать единичные случайные факты; подождемъ, когда всѣ эти милыя письма—отъ „дяденьки Ѳеодосія Фоковича“ и отъ „любезнаго братца Юхима Хванасовича“—будутъ собраны кѣмъ-нибудь любящимъ такъ же полно и богато, какъ письма отъ Джонсовъ и Джонсоновъ.

для нихъ не враги, что единственный ихъ лютый, заклятый, навѣки ненавидимый врагъ — англичане.

И Томми Аткинсъ гордится такой привилегіей, она ему льститъ чрезвычайно. Съ величайшимъ аппетитомъ онъ въ своихъ письмахъ смакуетъ тотъ чудовищный „Гимнъ Ненависти“, который нѣмцы сложили о немъ. Въ нѣмецкой хулѣ — для него комплиментъ, въ нѣмецкихъ проклятіяхъ — ода.

— „Читали вы „Гимнъ Ненависти“ (Hymn of Hate)?— спрашиваетъ сержантъ Вильямъ Эдвардсъ.—Я выучилъ его весь наизусть. Наши распѣваютъ его на мотивъ шотландской частушки *There was a lass, and she was fair*. Это— капитальная вещь!“

„Гимнъ Ненависти“ появился впервые въ мюнхенскомъ еженедѣльникѣ „Jugend“, и теперь вся Германія распѣваетъ его на ряду со своимъ національнымъ гимномъ. Авторъ гимна — Эрнстъ Лиссауэръ. Такого вдохновенія злобы еще не было во всемірной словесности. Это не пѣсня, а судорога, что-то конвульсивное, бредовое, шаманское.

Соберите самое злое, что написано нынѣ о нѣмцахъ во Франціи, въ Россіи и въ Англіи, все на ряду съ этой „Пѣсней Проклятій“ покажется добродушно-сюсюкающимъ. Та робкая „АнаѰема Вильгейму Гордому“, о которой сейчасъ будетъ рѣчь, по сравненію съ этимъ заклинаніемъ нѣмецкихъ факировъ, есть самый кроткій младенческий лепетъ. Даже австрійцы испугались такой кровожадности и воскликнули въ одной вѣнской газетѣ:

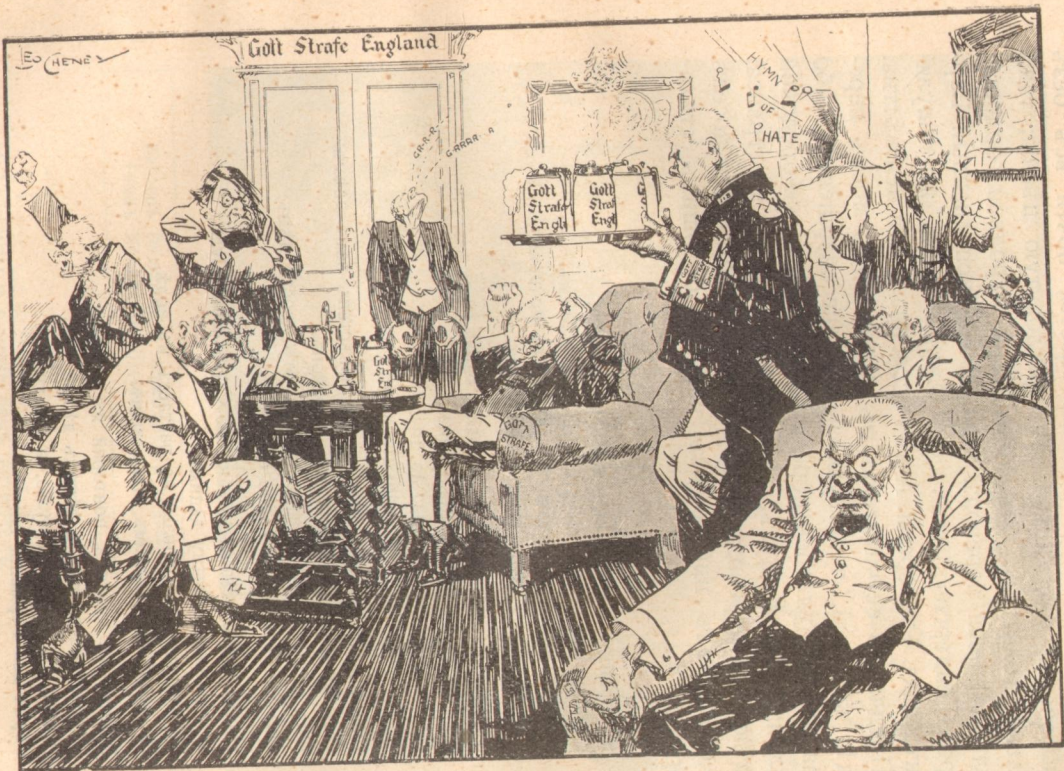
— Не пойте этой пѣсни! Мы ее ненавидимъ *).

А тѣ, противъ кого она направлена, не только не возмущаются ею, но заучиваютъ ее наизусть, распѣваютъ ее на всѣхъ перекресткахъ и готовы даже хвастаться ею передъ тѣми своими друзьями, которые не сподобились такихъ изступленныхъ проклятій.

*) Объ этомъ смотри „Daily Chronicle“, 1914, Dec. 11.

— Все же главная злоба кайзера направлена против насъ, англичанъ,— кичится мажорсь Томасъ Уудъ.— Вѣдь „Пѣсня Ненависти“ посвящена только намъ!“

9*

Комната для зубоваго скрежета въ одномъ изъ берлинскихъ клубовъ. Даже на пивныхъ кружкахъ начертано: „Gott strafe England“, даже граммофонъ играетъ Гимнъ Ненависти. Шаржъ Лео Чина въ журн. «The Bystander».

Характерно, что англійскія газеты, почти всѣ безъ исключенія, напечатали эту пресловутую пѣсню; такъ сильно польстила она британской народной гордости. Великолѣпный переводъ этой пѣсни (исполненный Варварой Гендерсонъ) сталъ въ Англіи столь же популяренъ, какъ Типперери. А въ Россіи она почти неизвѣстна.

Предлагаю ее читателю въ посильномъ моемъ переводѣ, который, чувствую, весьма несовершененъ, ибо едва ли мнѣ удалось передать ея хаотически-бредовой заклинательный духъ, доходящій порою до транса: жалѣю, что переводъ этой патологической пьесы доселѣ не соблазнилъ никого изъ нашихъ большихъ стихотворцевъ:

И французы и русскіе—намъ ни почемъ,
То они насъ побьютъ, а то мы ихъ побьемъ.
Мы для нихъ не друзья, мы для нихъ не враги,
Мы отъ нихъ защищаемъ свои очаги.

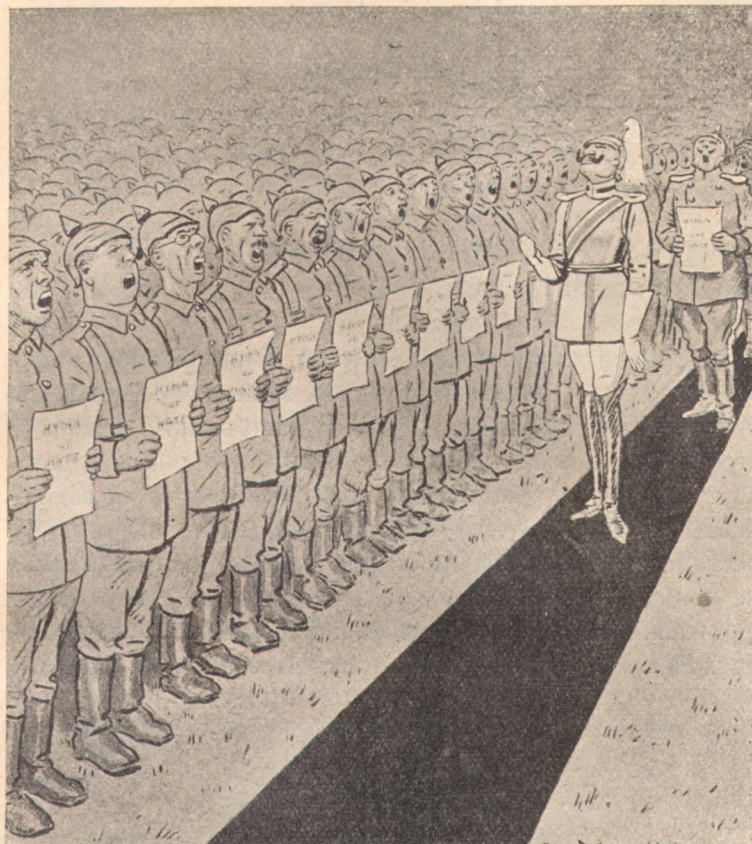
Но есть у насъ ненависть, одна, одна!
Она намъ навѣки, навѣки дана!
Ее мы выпьемъ до дна, до дна!
Будь проклятъ нашъ единственный врагъ!

Онъ извѣстенъ вамъ всѣмъ, онъ извѣстенъ вамъ всѣмъ:
Онъ въ берлогѣ засѣлъ, какъ драконъ.
Онъ отъ злобы, отъ зависти, онъ отъ ярости нѣмъ,
Онъ, какъ кровью, водой окруженъ.

Идемъ же и встанемъ, какъ на Страшномъ Судѣ,
И страшную клятву дадимъ,
Та клятва—изъ бронзы: не растаетъ въ водѣ,
Не развѣется вѣтромъ, какъ дымъ.

Внимай же присягѣ, повторяй же присягу,
Передай ее дѣтямъ и дѣтямъ дѣтей,
Освяти ею пушку и пулю, и шпагу,—
Вѣрна вся Германія ей:

Одна у насъ ненависть, одна, одна!
Она намъ на вѣки вѣковъ дана,
Ее мы выпьемъ до дна, до дна!
Будь проклятъ нашъ единственный врагъ—
Англія!

Кайзеръ Вильгельмъ дирижируетъ хоромъ солдатъ, поющихъ
Гимнъ Ненависти. Шаржъ изъ англ. журнала «Bystander».

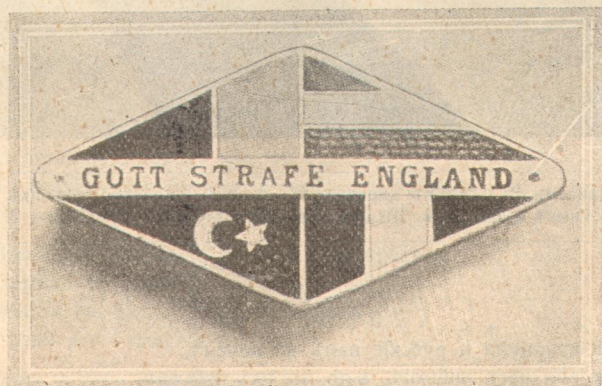
.....

 И французы и русскіе намъ ни почемъ,
 То они насъ побьютъ, а то мы ихъ побьемъ,
 Мы сражаемся съ ними огнемъ и мечомъ,
 А миръ къ намъ придетъ, мы мириться пойдемъ!
 Но къ вамъ наша злоба
 До гроба,

Злоба всегда и вездѣ,
 Злоба на землѣ, на водѣ,
 Злоба нашихъ рукъ и головъ,
 Злоба нашихъ молотковъ и жезловъ,
 Злоба миллионѣвъ людей,
 Злоба въ миллионѣхъ грудей,—
 Одна у насъ злоба, одна!
 Она намъ навѣки дана,
 Мы выпьемъ ее до дна:
 Будь проклятъ нашъ единственный врагъ—
 Англія!

Вскорѣ англичане узнали, что въ Германіи появились особые жетоны и броши съ такимъ милымъ обращеніемъ къ Богу: „Боже, накажи Англію!“ („Gott strafe England!“), что, встрѣчаясь на улицахъ, нѣмцы уже не говорятъ другъ другу „здравствуйте“, а произносятъ ту же сакраментальную формулу, что на конвертахъ писемъ, на ресторанныхъ счетахъ, на официальныхъ бумагахъ и даже на лавочныхъ вывѣскахъ печатается та же молитва.

Англичанъ и это позабавило, но не разсердило нисколько: пріятно быть предметомъ такой ярости.

Германскій значокъ-брошь, составленный изъ союзныхъ національныхъ цвѣтовъ Германіи, Австро-Венгріи и Турціи съ надписью: „Gott strafe England!“ („Боже, накажи Англію!“).

Одинъ англійскій поэтъ напечаталъ по этому поводу слѣдующее:

„*Боже, накажи Англію!*—кричатъ Господу Богу германцы. Это уже не молитва, а военная команда, приказъ... Мы же къ нѣмцамъ не питаемъ злобы: ихъ безсильную злобу, порожденную завистью, мы встрѣчаемъ смѣхомъ, не лишеннымъ презрѣнія“. (Стихотвореніе W. K. C. въ журналѣ „Graphic“).

Какъ благодушно относятся англичане къ этой нѣмецкой угрозы, видно изъ такого эпизода. Въ Англіи, какъ извѣстно, существуетъ два аристократическихъ школьных поселка, которые издавна находятся въ веселомъ и незломъ соревнованіи; называются они Итонъ и Гэрроу. Недавно четыре итонца, находящіеся на войнѣ, прислали своему директору депешу:

— Да здравствуетъ Итонъ! Gott strafe Гэрроу *)!

Изъ этого видно, что кощунственная нѣмецкая фраза сдѣлалась въ умахъ англичанъ анекдотомъ, смѣшной поговоркой и только.

Таково отношеніе всей націи. Если бы кто-нибудь въ Лондонѣ, на Пиккадили или Трафалгаръ-Скверѣ, выставилъ, въ отместку нѣмцамъ, плакатъ: „God punish Germany!“ („Боже, накажи Германію!“), отъ него отвернулись бы, какъ отъ помѣшаннаго.

Но нѣмцы издавна увѣрены, что Провидѣніе—на побѣгушкахъ у кайзера:

Ужъ мы теперь не скажемъ
Ни *здравствуй*, ни *прощай*,
Мы только скажемъ: Боже!
Британцевъ покарай,—

воскликаетъ въ „Lustige Blätter“ нѣмецкій пиита Гохштетеръ.

На ядрахъ и на бомбахъ
Напишемъ мы одно:
Господнее проклятіе
Британцамъ суждено.

*) См. „Daily Mail“, June 18.

Свинцовымъ ураганомъ
 На нихъ мы налетимъ
 И каждое жилище
 Въ кладбище превратимъ *)!

и т. д., въ такомъ же набожно-разбойничьемъ стилѣ. Какъ я уже указывалъ, даже австрійцевъ шокируетъ такая безшабашная проповѣдь злобы; даже имъ, разори-

телямъ Сербіи, приверженцамъ пули „думъ-думъ“, противны прусскіе „Гимны о Ненависти“. Прекрасную отповѣдь гимну Лиссауэра дала австрійская газета „Fremdenblatt“; я нашелъ переводъ этой отповѣди въ лондонской газетѣ „Daily Chronicle“. Австрійцы обращаются къ германцамъ:

Нѣмецкіе матросы поютъ натошакъ
 Пѣсню Ненависти.
 Шаржъ Д. Вильсоча въ журн. «The Graphic».

Не пойте намъ пѣсню о
 ненависти,
 Для насъ это ненавистная
 пѣсня.
 Она душѣ австрійца чужда.
 Мы сражаемся не ради
 ненависти,
 Но противъ ненависти, про-
 тивъ коварства
 и жадности (?),
 Которыя весь міръ превра-
 тили въ пожарище.

Для этого намъ нужна чистая совѣсть,
 Намъ нужно чистое сердце.
 Будемъ же лелѣять въ себѣ
 То состраданіе къ ближнему, что обнаружили наши солдаты,
 Когда они отдавали свой хлѣбъ умирающему съ голода врагу (?).

*) Буквально: Making each English homestead a mansion of the dead. См. „The great War“, edit. by H. W. Wilson. Part 28.

Это состраданіе необходимо и намъ,
 Ибо наши дѣти страдаютъ, страдаютъ наши старцы и женщины.
 Не отравляйте же ненавистью нѣжныя души дѣтей,
 Не отравляйте ихъ низменною жаждою мести,
 Въдъ мы ради нашихъ дѣтей и сражаемся,
 Ради нашихъ молодыхъ поколѣній.
 Кто съѣтъ ненависть, тотъ ее и пожнетъ,
 Намъ же нуженъ миръ всего міра,
 И да ниспошлетъ его намъ Господь поскорѣе.

Жаль, что австрійцы не обнаружили столь возвышенныхъ христіанскихъ чувствъ до своей карательной экспедиціи въ Бѣлградъ.

Конечно, пруссаки не вняли этому призыву своихъ „миролюбивыхъ“ союзниковъ, и, какъ сообщаетъ французская пресса, ввели даже въ солдатскіе окопы свою молитву о гибели Англіи. Въ журналѣ „L'Illustration“ обнародовано такое письмо одного нѣмецкаго офицера: „Dans mon corps, tous les officiers et les hommes ont remplacé les salutations habituelles de bonjour et bonsoir par: „Que Dieu châtie l'Angleterre! Qu'il la châtie“. (Въ моемъ корпусѣ всѣ офицеры и нижніе чины замѣнили обычныя привѣтствія словами: „Боже, накажи Англію!“ и „Накажи ее Боже“ *).

Образецъ нѣмецкаго открытаго письма, снабженнаго девизомъ:
 Боже, накажи Англію!

* * *

Какъ непохожи всѣ эти пѣсни проклятій, гимны ненависти, гимны злобы, на произведеніе такого же рода, написанное русскимъ мужикомъ.

*) Конечно, не всѣ же нѣмцы придерживаются этого сумасшедшаго лозунга. Только обывательскія темныя массы и высшіе круги аристократіи. Судя по нѣмецкимъ газетамъ, въ интеллигентскихъ кругахъ высказывается къ нему отвращеніе.

Съ виду это тотъ же гимнъ ненависти, какъ ясно ужъ изъ самаго названія: „Анаѣма Вильгейму Гордому“, но на дѣлѣ это — гимнъ любви.

Авторъ не только не питаетъ вражды ко всему народу нѣмецкому, но именно о немъ-то и хлопочетъ, мечтаетъ его спасти, спѣшитъ предостеречь его о той неминуемой безднѣ, куда его влечетъ Вильгеймъ, братъ Сатаны, Царь-Анаѣма.

Онъ, крестьянинъ села Иванова Московской губерніи, затѣялъ открыть наконецъ глаза ослѣпленной „Нѣмецкой Нацыи“. Онъ увѣренъ, что стѣбитъ только нѣмцамъ прочитавъ его „Анаѣму Вильгейму Антихристу“, какъ всѣ они тотчасъ поймутъ, у кого они оказались въ когтяхъ, раскаются, переродятся и спасутся.

„Ваше Высокоблагородіе Екатерина Николаевна! — пишетъ онъ своей знакомой барынѣ. — Прилагаемый листъ обращенія къ Вильгейму Жестокосердому перепишите на нѣмецкій языкъ, и нельзя ли послать его народу (нѣмецкому)? Пог а имъ понять, куда ихъ влечетъ гордый умъ. Спасая другихъ, самъ спасешься. Вы сами лично счастливая, васъ избавилъ Богъ; дайте же хоть сотую долю другимъ утѣшенія, укажите ужасъ, который можетъ увеличиться. Люди не видятъ, и вотъ уничтожаютъ себя, какъ нѣкогда басня Крылова. Безумцы! Хотѣли камнями боговъ побить, а на дѣлѣ камни на нихъ летѣли и ихъ самихъ били. Такъ и теперь. Какъ будто варваръ бьетъ другихъ, а на дѣлѣ уничтожаетъ самъ себя“...

Крестьянинъ села Иванова пожалѣлъ слѣпыхъ, погибающихъ „варваровъ“. Къ самымъ жестокимъ врагамъ у него нашлось состраданіе. Онъ бы въ домѣ своемъ ни за что не повѣсилъ таблички: „Gott strafe Deutschland!“ У него лозунгъ другой: „Боже, спаси Германію, верни ей разумъ, просвѣти ея очи!“ Ненависть къ народамъ и странамъ ему совершенно чужда. Все свое негодованіе онъ устремилъ на Вильгельма, котораго считаетъ единственнымъ зачинателемъ бѣдъ. Здѣсь такая возвышен-

ность чувствъ, что многіе доморощенные наши Лиссауэры, профессиональные травители нѣмца, будутъ ею пристыжены и сконфужены.

И когда знаешь ту великолѣпную, истинно-христіанскую цѣль, ради которой написана эта Анаѣема, то уже не пугаешься ея нарочитой свирѣлости. Вотъ она въ наиболѣе яркихъ ея выраженіяхъ:

„Анаѣема, Анаѣема Вильгейму Гордому! Поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ! Вильгеймъ-царь, братъ Сатаны! Царь Варваровъ! Зачѣмъ ты влекешь свой народъ на гибель?.. Жестокосердый Царь! мало тебѣ было, что твоя страна была въ цвѣтущемъ положеніи, мало тебѣ было, что твой народъ богатѣетъ; нѣтъ, ты взялъ гордость Сатаны: „нѣтъ Бога, а я самъ буду богъ, буду управлять всѣмъ міромъ!“ На это я тебѣ, простецъ, отвѣчаю: да будь ты сверженъ, какъ твой покровитель Сатана, который радуется твоимъ дѣяніямъ. Рѣки слезъ, милліоны смертей, милліоны страданій, милліоны терзаній,—все дѣло рукъ твоихъ! За все это будь ты проклятъ со всѣми твоими единомышленниками и создате-

за все это Будь ты
Проклинтъ Со всеми твои-
ми единомышленниками
и создателями Адама
и всего живущаго на земли
Проклинтъ Жестокосердый и Гордый
твое и скориѣ твоего Конецъ
и чина Рускова и человека

Отрывокъ изъ „Анаѣемы Вильгельму Гордому“, написанной русскимъ крестьяниномъ.

лями Адскаго мученія всѣмъ живущимъ на землѣ. Проклятъ анаѣма и чады твои искоренятся до конца, и каждый день тебѣ и чадамъ твоимъ—проклетіе! Лжець, Ты караль Россію, теперь жди ея кары, какъ кары Божьей“.

И подписано:—„Душа Рускова Чиловека“.

Душа эта не слишкомъ-то грамотная: чтò ни слово, то орфографическій перлъ,—но, я думаю, это душа неплохая, это душа превосходная: вѣдь даже гимнъ злобы и ненависти вызванъ у нея чувствомъ любви.

Но, увлеченный русскими солдатскими письмами, я все чаще отклоняюсь отъ англійскихъ, все чаще измѣняю своей темѣ. Не лучше ли совсѣмъ проститься съ ними и посвятить письмамъ „рядового Иванова“ самостоятельную, отдѣльную книжку *)?

*) Въ послѣднее время уже дѣлаются подобные опыты. Укажу хотя бы на интересную книжку З. Гиппиусъ „Какъ мы воинамъ писали и что они намъ отвѣчали“, гдѣ собрано 50 подлинныхъ солдатскихъ писемъ (большую частью въ стихахъ), и на работы прив.-доцента г. Ульянова, печатаемыя въ „Правительств. Вѣстникъ“. Жаль, что этихъ попытокъ такъ мало, и что онѣ почти неизвѣстны.

Примѣчаніе ко 2-му изданію.

Вербовка добровольцевъ въ Лондонѣ.

XIV.

КАКЪ ВЪ АНГЛІИ ВЕРБУЮТЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ.

Впрочемъ, скажу еще нѣсколько словъ,—откуда англичане достали свою нынѣшнюю несмѣтную армію. Въдѣ три милліона англійскихъ солдатъ находятся сейчасъ подъ ружьемъ. Міровая исторія не знала такого грандіознаго числа *добровольцевъ*. И замѣчательно: почти вся эта армія собрана при посредствѣ митинговъ, афишъ,

Если эта фуражка вамъ къ лицу,
сегодня же ступайте въ солдаты!

— „Если эта фуражка вамъ къ лицу, сегодня же ступайте въ солдаты!“

На другой въ очень соблазнительномъ видѣ представлены шотландскіе стрѣлки:

— „Стройся, ребята! Запишись сегодня!“

На третьей изображенъ часовой:

— „Стой! Кто идетъ? Если другъ, то сію же минуту ступай въ англійскую армію и помоги нашимъ молодцамъ воевать!“

На четвертой — тѣсная

объявленій, рекламъ. Собираетъ этой арміи, военный министръ лордъ Китченеръ, обнаружилъ изумительный организаторскій даръ: онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, чтобы выставить противъ Германіи новые кадры солдатъ. Афиши, которыми онъ вербовалъ добровольцевъ, отличаются большою эксцентричностью. Нѣкоторыя изъ нихъ воспроизводятся здѣсь.

На одной афишѣ—солдатская фуражка и подпись:

Это мѣсто оставлено для подходящаго парня. Нн хочешь ли заполнить это мѣсто? Оно какъ разъ для тебя.

фаланга солдатъ съзѣвающимъ
пробѣломъ посрединѣ.

— „Это мѣсто оставлено
для подходящаго парня. Не
хочешь ли заполнить это
мѣсто? Оно какъ разъ для
тебя!“

Иные изъ этихъ плакатовъ
трогали своей патетичностью.
Нарисованъ старикъ - ветеранъ,
проводящій на войну
молодого солдата:

— „Хотѣлъ бы я быть по-
молоче, чтобы тоже пойти

Стой! Кто идетъ? Если другъ,
то сию же минуту ступай въ
англійскую армію и помоги на-
шимъ молодцамъ воевать!

Стройся, ребята! Запишись
сегодня!

на войну!“

Кромѣ Китченера, глав-
нымъ вербовщикомъ англій-
скихъ добровольцевъ являет-
ся,—какъ это не дико зву-
чить,—кайзеръ Вильгельмъ!
Онъ какъ будто специально
затѣмъ нападаетъ на безза-
щитныя англійскіе городиш-
ки, топить женщинъ, уби-
ваетъ дѣтей, чтобы усилить
и ускорить притокъ солдатъ
въ армію лорда Китчене-
ра. Единственнымъ послѣд-
ствиемъ пиратскаго набѣга

Одна изъ крупнѣйшихъ гостиницъ въ мірѣ—отель Карлтонъ въ Лондонѣ, украсившій свои балконы огромными сажеными вывѣсками съ надписями: „Къ оружію!“ „Вы нужны родинѣ и королю!“ „Британцы, за свободу и честь нашей родины!“ и т. д.

германской эскадры на англійскій прибрежный курортъ Скарборо было то, что разгнѣванные англичане стали тысячами записываться въ армію.

Лордъ Китченеръ удачно использовалъ этотъ праведный гнѣвъ народный. На одной изъ его афишъ нарисованъ разрушенный пылающій городъ, и на первомъ планѣ Британія, въ видѣ опечаленной женщины, обращается къ англійскимъ юношамъ:

— „Помните Скарборо!“

На другой афишѣ изображенъ, по фотографии, тотъ домъ въ этомъ городѣ, гдѣ нѣмецкимъ снарядомъ убито четверо мирныхъ, безотвѣтныхъ обывателей.

— „Британцы! Развѣ вы допустите это?“—спрашиваетъ афиша съ укоромъ.

Многіе англійскіе магазины, конторы, гостиницы помогаютъ Китченеру въ его пропагандѣ. Вотъ, на примѣръ, фотографическій снимокъ со знаменитаго лондонскаго Карлтонъ-отеля, который всѣ свои балконы украсилъ такими огромными многосажеными вывѣсками:

— „Къ оружію!“

— „Вы нужны родинѣ и королю!“

— „Британцы! За свободу и честь нашей родины!“

— „Запишитесь въ армію только на время войны!“

— „Мы сражаемся за правое дѣло!“

И такъ дальше. Но рядомъ съ этими эксцентрично-патетичными обращеніями къ націи военное министерство издаетъ и другія воззванія — официальные, сухія, дѣловыя, печатающіяся въ англійскихъ газетахъ на ряду съ другими объявленіями.

Вотъ одно изъ подобныхъ воззваній:

„Вашему королю и вашей родинѣ нужны еще 100.000 человѣкъ. При нынѣшнихъ серьезныхъ обстоятельствахъ нужно, чтобъ еще сто тысячъ человѣкъ встали вокругъ британскаго знамени для усиленія нашихъ ново-сформированныхъ армій.

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

G. R

Your King & Country need another 100,000 Men.

IN the present grave national emergency another 100,000 men are needed at once to rally round the Flag and add to the ranks of our New Armies.

Terms of Service (Extension of Age Limit).

Age on enlistment 19 to 38. Ex-Soldiers up to 45. Minimum height 5 ft. 4 ins. except for ex-soldiers and those units for which special standards are authorised. Must be medically fit. General Service for the War.

Men enlisting for the duration of the War will be able to claim their discharge, with all convenient speed, at the conclusion of the War.

Pay at Army Rates.

Married men or Widowers with Children will be accepted, and if at the time of enlistment a recruit signs the necessary form, Separation Allowance under Army conditions is issuable at once to the wife and in certain circumstances to other dependents.

Pamphlet with full details from any Post Office.

How to Join.

Men wishing to join should apply in person at any Military Barrack or at any Recruiting Office. The address of the latter can be obtained from Post Offices or Labour Exchanges.

God Save the King.

Воззваніе англійскаго военнаго министерства къ населенію о наборѣ новыхъ 100.000 добровольцевъ въ армію.

Заслуженные дома въ Англіи. На окнахъ этихъ домовъ помѣщены почетные листы съ крестами, удостовѣряющіе, сколько солдатъ пошло изъ каждаго дома добровольцами на войну.

„Условія службы: возрастъ — отъ 19 до 38 лѣтъ. Изъ бывшихъ на службѣ опытныхъ солдатъ принимаются до сорокапятилѣтняго возраста; минимумъ роста—5 футовъ 4 вершка. Больные и увѣчные не принимаются.

„Тѣ, кто идутъ въ солдаты только на время войны, тотчасъ же по ея окончаніи будутъ освобождены отъ солдатчины.

„Боже, храни короля“.

Отдѣльные полки, батальоны,

THE VETERANS FAREWELL.

“Good Bye, my lad.
I only wish I were young enough
to go with you!”

ENLIST NOW!

Прощальный привѣтъ ветерана.
„До свиданія, мой милый. Хотѣлъ
бы я быть помоложе, чтобы пойти
съ тобой“.

Почетный листъ съ крестомъ, удостоверяющій, что такая-то семья дала родинѣ солдата.

бригады печатаютъ такія же рекламы:

— Рекруты! Рекруты! Рекруты! —

Нужны третьему Оксфордскому батальону.

Въ Эльсбери сейчасъ происходитъ ученье.

Помѣщенія для солдатъ комфортабельныя!

Уходъ превосходный!

Обращаться къ майору де-Ротшильду.

Не удивительно ли, что на такіе призывы откликнулось три милліона добровольцевъ!

Впрочемъ, добровольцы — не совсѣмъ точное

Вербовка бойскоутовъ въ Англіи маленькимъ развѣдчикомъ.

слово. Подъ натискомъ общественнаго мнѣнія, этой могущественнѣйшей въ Англіи силы, многіе идутъ въ добровольцы почти поневолѣ. Здоровыхъ мужчинъ, оставшихся дома, не внявшихъ призыву Китченера, окружаетъ теперь общее презрѣніе. Имъ стыдно показаться на улицѣ: ихъ называютъ трусами, измѣнниками. Тысячи карикатуръ, эпиграммъ, клеймятъ ихъ въ газетахъ и журналахъ.

Учредилось даже особое женское общество для высмѣиванія непошедшихъ на войну. Гдѣ бы ни появился такой господинъ, къ нему

WHY AREN'T

YOU

IN KHAKI?

**YOU'LL BE WANTED.
ENLIST AT ONCE.**

Почему это вы—не въ хаки?
Вы будете нужны.
Запишитесь сегодня же.

**WHAT WILL
YOUR ANSWER BE**

When your boy
asks you—

"FATHER.—WHAT
DID YOU DO
TO HELP WHEN
BRITAIN FOUGHT
FOR FREEDOM
IN 1915?"

ENLIST NOW

Что вы отвѣтите вашему сыну, когда онъ спроситъ у васъ, какъ помогли вы родинѣ, когда она сражалась за свободу?

Помни Бельгію! Сегодня же поступай въ солдаты.

приближается дама съ бѣлымъ перомъ въ рукѣ:

— Не украсить ли васъ бѣлымъ перомъ?

Бѣлое перо въ англійскомъ быту есть издавна символъ позора. Эти безобидныя обиды дѣйствуютъ на англичанъ чрезвычайно: одного такъ доняли такія женскія колкости, что онъ пошелъ и застрѣлился. Послѣ его смерти обнаружилось, что онъ и не думалъ уклоняться отъ солдатчины, а просто былъ по слабости здоровья отвергнутъ *). Такъ оскорбительно для англичанина даже ложное

обвиненіе въ трусости! Какъ и въ рыцарскія времена надъ мужчиной-воителемъ властительно мнѣніе женщины. Тѣ, кто пошли на войну, пользуются теперь необыкновеннымъ почетомъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ ихъ родственники—матери, сестры, отцы. Мэры нѣкоторыхъ захолустныхъ городовъ выдаютъ даже особыя отличія, почетные листы, аттестаты семьямъ добровольцевъ-солдатъ. На этихъ почетныхъ листахъ, украшенныхъ изображеніемъ креста, сказано, что такой-то солдатъ „служить королю, отечеству, имперіи“,—и эти листы выставляются въ окнахъ, какъ предметъ особой гордости и славы. Иныя окна бываютъ увѣшаны тремя, четырьмя и нерѣдко пятью аттестатами, по числу ушедшихъ въ армію членовъ семьи. Чѣмъ больше этихъ аттестатовъ, тѣмъ больше почета. Къ такимъ домамъ—

*) См. „Daily Mail“, 26-го іюля 1915. Звали этого человѣка Ричардъ Робертсъ. Онъ былъ автомобильнымъ шоферомъ.

особое уваженіе, и какъ конфузятся тѣ, у кого на окнѣ не вывѣшено ни единой бумажки! На нашихъ снимкахъ изображенъ такой почетный листъ съ крестомъ и представлены окна домовъ, которыя украшены этими крестами—„Георгіями“ англійскихъ семей. Вотъ мать, которая дала „королю, родинѣ, имперіи“ всѣхъ своихъ четырехъ сыновей. Вотъ другая, у которой оба сына и мужъ—всѣ трое ушли на войну...

* * *

Но этой британской системѣ приглашенія добровольцевъ на войну посредствомъ афишъ и воззваній нынѣ приходитъ конецъ. Подъ натискомъ германскаго полчища общественное мнѣніе страны склонилось въ пользу принудительной рекрутчины. Приглашеніе смѣнилось понужденіемъ. Введена всеобщая повинность. Не слѣдуетъ однако забывать, что и послѣ введенія рекрутчины главное ядро британской арміи все же состоитъ изъ волонтеровъ, имѣвшихъ тысячу возможностей уклониться отъ военной страды и ринувшихся въ огонь добровольно.

XV.

„СНАРЯДОВЪ! СНАРЯДОВЪ! СНАРЯДОВЪ“ *)!

У оружейнаго завода толпа.

— Больше не принимаемъ! Нѣтъ мѣста! Вотъ расширимъ зданіе, тогда приходи! — говоритъ привратникъ какой-то убогой старухѣ.

Но старуха не уходитъ, стоитъ.

— Нѣмецъ убилъ моего сына! — упрямо повторяетъ она. — Нѣмецъ убилъ моего сына!

— Ужъ очень васъ много... Нельзя! Всѣ просятъ: пусти да пусти. Вотъ погоди: будетъ мѣсто...

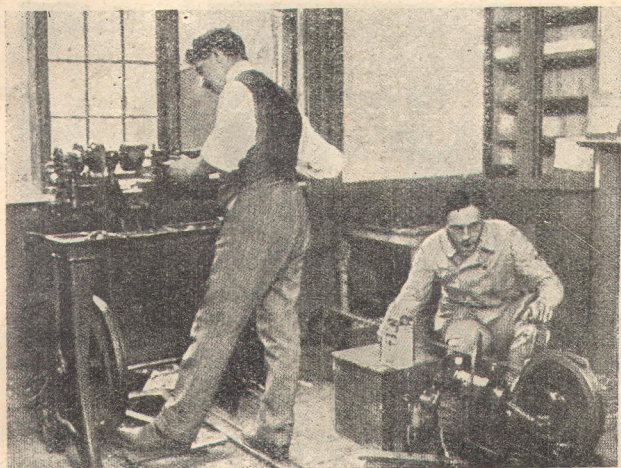
Но старуха не уходитъ, стоитъ. Она хочетъ своими руками изготовить гранату, ядро или пулю противъ того, кто убилъ ея сына. Она словно не замѣчаетъ привратника и, какъ сомнамбула, повторяетъ одно:

— Нѣмецъ убилъ моего сына. Нужно ему отплатить.

Ее не пустили куда. Очень она дряхлая, немощная. Зданіе и безъ того переполнено. Отстраиваютъ лѣвое крыло.

Дѣло происходитъ въ Англіи, въ городѣ Лидсѣ. Сестры, матери, жены солдатъ тѣсняются въ огромнѣйшей фабриктъ и, не замѣчая ни воскресеній ни праздниковъ, и ночью и днемъ, непрерывно изготовляютъ снаряды для арміи.

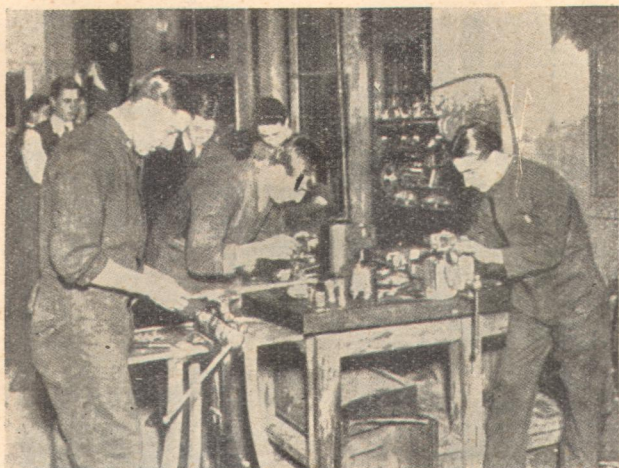
*) Эта глава и послѣдующая печатаются въ видѣ приложенія. Онѣ не основаны на солдатскихъ письмахъ и нашей темѣ почти не касаются. Но мнѣ кажутся онѣ небезполезными при нынѣшнихъ превратныхъ сужденіяхъ объ Англіи, возникшихъ въ обывательскихъ русскихъ кругахъ.

Ризница, обращенная въ оружейный заводъ. Священникъ за рабочимъ станкомъ надъ отдѣлкой снаряда.

Чуть только въ Англію проникло извѣстіе, что у солдатъ не хватаетъ снарядовъ, что порою имъ даже нечѣмъ защищать свою жизнь, какъ старики и старухи, школьники, богачи, бѣдняки кинулись къ рабочимъ станкамъ — изготовить бы побольше „амуниціи“ и послать ее поскорѣе на фронтъ.

Все населеніе Лидса поспѣшило сюда на заводъ. Кухарки и горничныя побросали господъ, почтальоны забыли о письмахъ, цырюльники — о ножницахъ и бритвахъ. Не побрезгали самой черной работой. Не побоялись даже „канареечной клѣтки“, той желтой комнаты, гдѣ заводъ вырабатываетъ взрывчатое вещество — лидитъ... Побудьте въ этой комнатѣ два-три часа, и ваша кожа на лицѣ, на рукахъ, станетъ канареечно-желтой. Эти желтолицыя люди нынѣ въ огромномъ почетѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ зашелъ на минуту въ пивную, взялъ въ руки стаканъ, и — о, чудо! — стаканъ покрылся желтыми пятнами, которыхъ не отмыть никогда. Но кабат-

Лондонскіе студенты-технологи изготовляют у себя въ мастерскихъ части военныхъ гидроплановъ.

чикъ говорить: „пустяки!“ и разбиваетъ стаканъ. Для „желтолицаго“ не жалко стакана! Вѣдь каждый „желтолицый“ означаетъ, что армія становится сильнѣе!

Когда эти „канарейки“ проходятъ по улицамъ, ихъ радостно привѣтствуетъ толпа...

Вотъ помѣщеніе, гдѣ работаютъ женщины. Такъ и мелькаютъ проворныя бѣлыя руки. Полковницкая дочка и солдатка сидятъ рядомъ, за однимъ и тѣмъ же трудомъ. Жена священника, сѣдовласая важная дама, привела съ собою дочерей и племянницъ *)...

Но что это за розовый шелковый щитъ, украшенный разноцвѣтными флагами?

— Это призъ, это награда за усердіе. Ту дѣвушку, которая въ теченіе извѣстнаго срока наработала больше другихъ, награждаютъ этимъ прелестнымъ щитомъ, украшеннымъ союзными флагами. Каждая изъ силъ выби-

*) См. „Daily Mail“, 19-го іюня.

вается, чтобы заслужить этот щит и повѣсить у себя надъ станкомъ.

— Ну, а если дѣвушка вдругъ захвораетъ? Если закружится у нея голова?

— Пожалуйте въ сосѣдную комнату: тамъ ждутъ ее фельдшерица, сестра милосердія, докторъ...

* * *

Вся Англія преобразилась въ арсеналь.

Даже великосвѣтскія дамы (ужъ такова теперь мода!) уѣзжаютъ спозаранку на окраину, на грязный закоптѣлый заводъ и, пройдя трехнедѣльный курсъ, выдержавъ очень строгій экзаменъ, помогаютъ опытнымъ привычнымъ рабочимъ топить печи, чистить котлы и машины.

Такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуетъ о нихъ фешенебельный еженедѣльникъ „The Sketch“.

Даже священники записались въ рабочіе. На нашемъ рисункѣ показано, какъ молодой служитель алтаря сбросилъ съ себя длиннополый сюртукъ и, засучивъ рукава, работаетъ на станкѣ надъ патронами. Ризницу превратилъ въ артиллерійскій заводъ.

А вотъ лондонскіе студенты-технологи изготовляютъ у себя въ мастерскихъ какія-то принадлежности воздушнаго флота, части гидроплановъ, аэроплановъ и проч.

Сынъ извѣстнаго кораблестроителя Виккерса вмѣстѣ со своими товарищами работаетъ надъ изготовленіемъ крупнокалиберныхъ снарядовъ.

Клоуны и прочіе артисты цирка по пути на ору-
жейный заводъ.

Вотъ сынъ кораблестроителя Виккерса работаетъ на заводѣ отца надъ изготовленіемъ „чемодана“.

Но технологи, пожалуй, не диво. Гдѣ же имъ нынче и быть, какъ не въ мастерскихъ, за станками! А вотъ это дѣйствительно странно: по улицамъ спящаго Лондона, въ истрепанной одеждѣ рабочихъ, шагаютъ этакой „пролетарской“ походкой цирковые паяцы и клоуны!

Вчера еще они кувыркались на ярко-озаренной аренѣ, прыгали чрезъ горячіе обручи, бляели, кукурекали, лаяли, раздавали другъ другу пощечины, а сегодня, степенной артелью, озабоченно спѣшаютъ на заводъ: не опоздать бы къ гудку! Не то штрафъ или,—еще хуже,—расчетъ. Выбросятъ безъ разговоровъ на улицу. А такъ хочется самому поработать, внести хоть малую долю труда въ дѣло обороны своей родины.

Съ тѣхъ поръ, какъ армія, устами фельдмаршала, громко закричала народу: „выручай! на тебя вся надежда! не хватаетъ ни снарядовъ ни пороху!“,—народъ отозвался на этотъ призывъ со всей своей изумительной, чисто-англійской энергіей.

Вольная дружина лондонскихъ клерковъ отправляется
на Вульвичскій казенный оружейный заводъ.

— Бѣдные „мальчики“, они могутъ погибнуть, если мы не придемъ къ нимъ на выручку. Ихъ жизнь, ихъ побѣда, ихъ смерть находятся въ нашихъ рукахъ!—такое было ощущение у всѣхъ. Правительство не скрыло отъ народа истиннаго положенія дѣлъ, и это принесло величайшую пользу: работа закипѣла во-всю.

Клерки, маклера, страховые агенты образовали въ теченіе нѣсколькихъ дней „Вольную дружину для снаряженія армии“ (Voluntary Munitions Brigade) и предложили правительству весь свой воскресный досугъ. Въ эту дружину вошло до двѣнадцати тысячъ членовъ, каждый сдѣлалъ соотвѣтственный взносъ. Въ комитетѣ оказался самъ Ротшильдъ. Каждое воскресенье, чуть свѣтъ, они отправляются огромной гурьбой на Вульвичскій казенный заводъ промывать патроны, упаковывать ядра и проч.

Думали ли когда-нибудь эти бѣлоручки-конторщики, что жизнь оторветъ ихъ отъ цифръ, векселей и процентовъ и властно превратитъ въ чернорабочихъ? Имъ ли быть кочегарами, смазчиками!? И въ какіе дни,—въ вос-

кресенья! Въдъ англійское воскресенье—особенное. Уже сотни и сотни лѣтъ этотъ торжественный день чиннаго и чопорнаго отдыха не нарушался никакой суетой. Кажется, если бы небо упало на землю, англійскій клэркъ и тогда не отрекся бы ни отъ воскреснаго галстука ни отъ воскресной поѣздки на омнибусъ въ Гайдъ-Паркъ или въ Хрустальный Дворецъ.

И все же это чудо совершилось: онъ изъясъ изъ своей жизни воскресенье; изъ вождѣннаго, долго-жданнаго дня сдѣлалъ его самымъ труднымъ и тягостнымъ. Это ли не грандіозная жертва!

Вотъ эти люди идутъ на работу съ ухватками заправскихъ рабочихъ; они взялись такъ азартно за дѣло, что итоги оказались изумительными: съ первой же недѣли, судя по отчетамъ, производство завода усилилось.

Дѣло пошло и совсѣмъ хорошо, когда въ ихъ дружину вошли инженеры, машинисты, механики.

Примкнулъ къ нимъ и парикмахеръ изъ Сити.

Когда, изъ боязни опоздать на заводъ, члены этой „Вольной дружины“ обратились къ владѣльцамъ автомобилей съ просьбой предоставить имъ безвозмездно свои экипажи, ихъ просьба была мгновенно исполнена.

Колбасники, зеленщики, мясники, продавцы молока и яицъ тоже постановили три раза въ недѣлю, по извѣстнымъ днямъ, въ опредѣленные часы отправляться на оружейные заводы.

Въ Англїи, какъ и всюду въ Европѣ, покупки изъ всѣхъ магазиновъ доставляются покупателю на домъ. Для этого при каждомъ большомъ магазинѣ существуетъ цѣлая фаланга велосипедистовъ, носильщиковъ, тачечниковъ. Имъ тоже захотѣлось поработать на армію. Но кто же доставитъ вамъ ваши покупки? Кто принесетъ вамъ изъ лавки сахаръ, землянику, овсянку? Никто. Носите сами,—въдъ трудъ не великъ!—и чувствуйте, что вы такимъ образомъ тоже помогаете арміи.

Эти труженики обратились къ „господамъ покупателямъ“ съ такимъ интереснымъ воззваніемъ:

„1. Покупайте, если можно, до обѣда.

„2. Не требуйте, чтобы ваши покупки доставлялись вамъ на домъ немедленно.

„3. Маленькіе свертки и пакетики уносите изъ лавки сами. То, что вамъ неудобно взять съ собой, разрѣшите доставить вамъ завтра.

„Мы увѣрены, что наше воззваніе встрѣтитъ радостное сочувствіе публики“ *).

Кто же станетъ ворчать и брюзжать, если цѣной этой крошечной жертвы можно хоть на минуту ускорить побѣду!

Такъ осуществляется въ Англии всенародное участіе въ войнѣ

Нерѣдко, проходя мимо дома, видишь: сидятъ на ступенькахъ бабушка, мамаша и дѣти и весело что-то плетутъ. Это корзинки для упаковки снарядовъ. Дѣтскіе пальцы особенно ловко справляются съ этой работой.

Когда въ какомъ-то глухомъ городишкѣ у школьниковъ обнаружилась корь и начальныя школы пришлось на время эпидеміи закрыть, педагоги, освобожденные отъ учебныхъ обязанностей, ринулись цѣлой гурьбой „на заводъ“ **).

* * *

Какой же волшебникъ — и какимъ волшебствомъ — такъ сказочно преобразилъ весь народъ?

Кто объединилъ въ одномъ общемъ стремленіи священниковъ съ клоунами, лордовъ и банкировъ съ полунищими?

Безстрашное правдивое слово, обращенное въ минуту опасности къ свободному и сильному народу!

Въ началѣ миновавшаго лѣта въ газетѣ „Times“, съ разрѣшенія военной цензуры, была напечатана слѣдующая корреспонденція съ театра войны:

*) „Times Weekly“, 28-го мая.

**) „Daily Mail“, 12-го мая.

Бенъ Тиллетъ, лидеръ лондонскихъ рабочихъ. Снимокъ сдѣланъ на передовыхъ позиціяхъ.

„Наша атака на такіе-то и такіе-то пункты закончилась бы блестящей побѣдой, если бы хватило снарядовъ“.

Вся страна задрожала отъ изумленія и ярости. Неужели не хватаетъ снарядовъ? Кто же смѣетъ посылать подъ огонь плохо вооруженныхъ, безоружныхъ солдатъ? Собирались многочисленные митинги, гдѣ раненые офицеры рассказывали объ истинномъ положеніи дѣлъ. Епископы въ церквяхъ объясняли молящимся, какая опасность угрожаетъ ихъ родинѣ. На всѣхъ перекресткахъ появились афиши, гдѣ нарицанъ безоружный солдатъ, протягивающій пустыя руки къ рабочему:

— Товарищъ, помоги поскорѣе!

Фельдмаршалъ сэръ Джонъ Френчъ то и дѣло въ своихъ донесеніяхъ откровенно и прямо писалъ: „мы вынуждены были приостановить наступленіе изъ-за внезапнаго молчанія артиллеріи“; „такая-то высота была занята нашимъ противникомъ, такъ какъ у насъ не хватило снарядовъ большого калибра“ и т. д.

Въ одной газетѣ появились стихи, ставшіе въ два-три дня популярными.

„Снарядовъ! Снарядовъ! Снарядовъ! Милліоны, сотни милліоновъ снарядовъ, чтобы уничтожить проклятаго гунна. Наши храбрые солдаты умирають и громко требуютъ отъ насъ одного: снарядовъ, снарядовъ, снарядовъ! Снарядовъ для англійскихъ пушекъ“.

„Не беспокойтесь, дорогіе солдаты. Мы услышали вашъ горячій призывъ. Мы всѣ до единого цѣлыя сутки будемъ дѣлать и дѣлать снаряды, покуда не упадемъ отъ усталости. Снаряды, снаряды, снаряды — это единственная наша забота, если мы любимъ ту землю, которая родила насъ на свѣтъ! Милліоны, милліарды снарядовъ для нашихъ англійскихъ пушекъ“.

Въ парламентѣ произошелъ переворотъ. Вмѣсто министровъ-либераловъ у власти оказались представители всѣхъ трехъ существующихъ партій. Морскимъ министромъ оказался консерваторъ Бальфуръ. Одинъ изъ рабочихъ вождей сталъ министромъ народнаго просвѣщенія... И, главное, къ радости всѣхъ, возникло новое, не бывшее доселѣ министерство: „министерство снаряженія арміи“. И во главѣ его сталъ гениальный работникъ, страстный и кипучій Ллойдъ Джорджъ.

Самый энергичный человѣкъ во всей Англіи! Зажигательный, вдохновенный ораторъ. Пропагандистъ, агитаторъ. И при этомъ опытнѣйшій практикъ-дѣлецъ, великолѣпно знающій промышленный міръ. Не даромъ онъ былъ министромъ финансовъ!

У него исключительный даръ: побуждать къ работѣ, къ труду. Своей нечеловѣчески-могучей энергіей онъ заражаетъ всѣхъ. Все такъ и кипитъ и бурлитъ у него подъ рукой. Если бы не было на свѣтъ Ллойда Джорджа, его надлежало бы выдумать! Когда онъ сдѣлался министромъ „муниципалитета“, вся нація вздохнула съ облегченіемъ: „этотъ“ выручить! „этотъ“ спасетъ!“

Ллойдъ Джорджъ принялся за работу съ необыкновеннымъ азартомъ. Онъ зажегъ энтузіазмомъ всю страну.

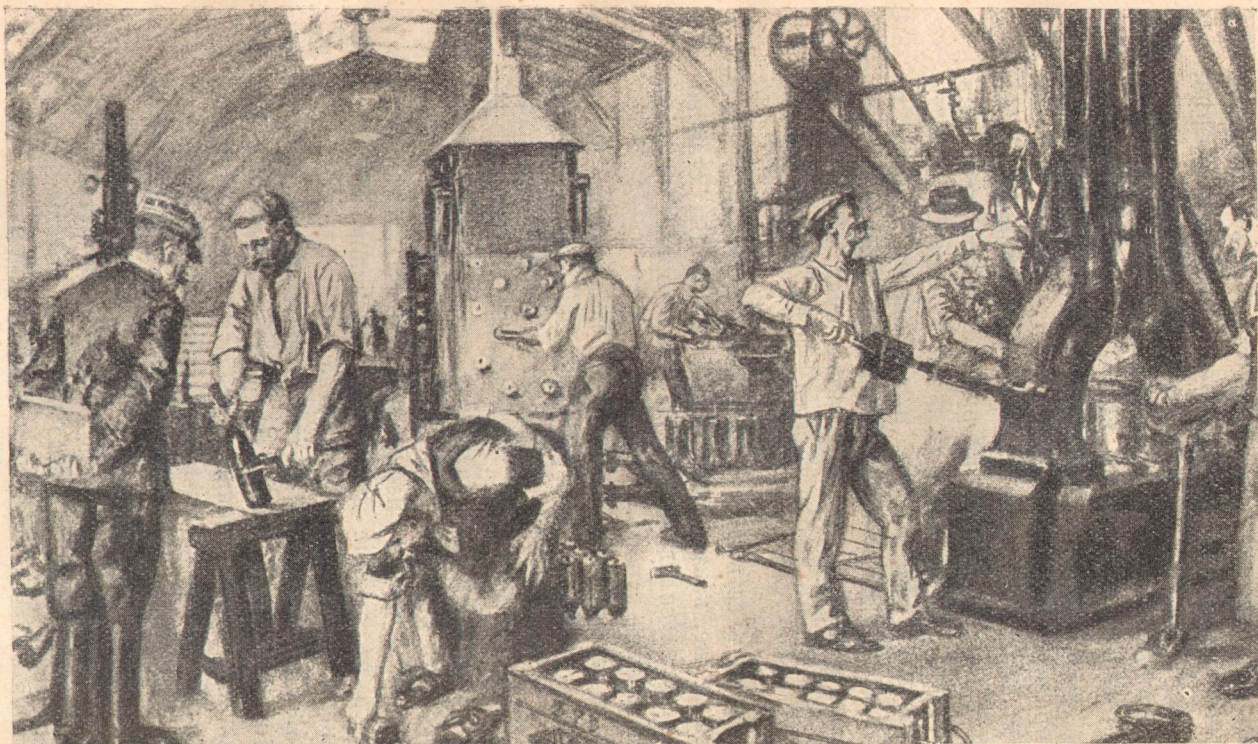

Ллойд Джорджъ въ парламентъ.

Въ Лондонѣ, въ Ливерпульѣ, въ Манчестерѣ, передъ огромными толпами, онъ кричалъ:

— Отечество въ опасности!

Онъ взывалъ къ патриотизму рабочихъ: откажитесь на время отъ стачекъ! Онъ взывалъ къ патриотизму

11*

Неоольшая частная фабрика въ одной изъ французскихъ провинцій, изготовляющая снаряды для орудій крупнаго калибра. Слева—инженеръ, посещающій фабрики въ качествѣ военнаго инспектора, слѣдящаго ежедневно за правильнымъ изготовленіемъ снарядовъ.

хозяевъ: откажитесь отъ локаутовъ, отъ слишкомъ большихъ барышей! Онъ созвалъ вождей грандіознѣйшихъ трэдъ-унионовъ, и они, подъ вліяніемъ его уговоровъ, „добровольно“ согласились отречься на время войны отъ многихъ своихъ правъ и свободъ. Фабриканты, тоже вполне „добровольно“, подчинили себя волѣ правительства.

Съ согласія и одобренія рабочихъ союзовъ, онъ устроилъ по всей странѣ рекрутскій наборъ кузнецовъ, машинистовъ, механиковъ. Если вы кузнецъ или механикъ, ступайте въ ратушу и запишитесь скорѣе въ „трудовую армію“ Ллойда Джорджа! Вамъ назначать отличное жалованіе и отправять, куда захотятъ, на любой заводъ, въ любой городъ,—туда, гдѣ вы нужнѣе всего.

Если у васъ есть семья, ей выдадутъ большое пособіе,—такое же, какъ и солдатской семьѣ. Вы становитесь на время солдатомъ, только ваше оружіе—молотъ, ваша траншея—заводъ.

А если фабрикантъ и рабочій поссорятся,—на то есть примирительная камера, гдѣ специальная судебная комиссія, созданная по инициативѣ Ллойда Джорджа, безпристрастно разберетъ, кто виноватъ, охраняя фабрики, работающія для обороны страны, отъ всякихъ катастрофъ и нечаянностей.

Тысячами такихъ изумительныхъ мѣръ Ллойдъ Джорджъ въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ всю Англію преобразилъ въ арсеналь.

Ллойда Джорджа зовутъ спасителемъ отечества и съ радостью, безпрекословно, исполняютъ малѣйшее его предложеніе, а онъ именно „предлагаетъ“, „совѣтуетъ“, „проситъ“, и никогда ничего не приказываетъ.

Вотъ одинъ изъ послѣднихъ портретовъ этого великаго дѣятеля. Это маленькій, подвижной человѣчекъ, вѣчно торопящійся, вѣчно смѣющійся. Въ русской Государственной Думѣ какой-то депутатъ воскликнулъ:

— Намъ бы хотъ осьмушку Ллойда Джорджа!

А женщины? Неужели англичане забыли объ этомъ неисчерпаемомъ національномъ резервѣ?

Мы видѣли, что на англійскихъ оружейныхъ заводахъ издавна работаютъ женщины. Но ихъ всего пятьдесятъ тысячъ, не больше. А между тѣмъ во Франціи занято изготовленіемъ снарядовъ до пятисотъ тысячъ работницъ. Въ Германіи ихъ тоже полмилліона. Нужно поскорѣ привлечь эту грандіозную силу къ дѣлу національной защиты.

Къ тому же сами женщины настойчиво требуютъ этого.

Недавно, въ серединѣ іюля, онѣ устроили на улицахъ Лондона такую яркую эффектную манифестацію, какой Лондонъ никогда не видалъ.

Четырехсоттысячное женское воинство, съ хоругвями, знаменами, флагами отправилось къ министру Ллойд Джорджу требовать, чтобъ и ихъ приобщили къ работамъ по снаряженію арміи.

На этихъ знаменахъ было начертано:

— „Мы хотимъ изготовлять снаряды!“

— „Мы хотимъ защищать свою родину!“

— „Мужчины нужны на войнѣ; женщины займутъ ихъ мѣсто на фабрикахъ!“

Одно изъ такихъ знаменъ украшено было стишками:

„Если сдѣлаетъ пулю жена,
Можетъ мужа спасти она!“

Вотъ въ сарафанѣ, въ огромномъ кокошникѣ, малявинская баба—„Россія“. Въ рукахъ у нея русскій трехцвѣтный флагъ. Вотъ босикомъ и съ разорваннымъ знаменемъ, вся въ траурѣ, трагическая „Бельгія“. Но хоть и въ траурѣ, а весела, ибо увѣрена въ конечной побѣдѣ. За нею „Франція“, „Италія“, „Сербія“,—тоже радостныя, тоже смѣющіяся!

Процессію организовала миссъ Пенкхерстъ, знаменитая суффражистка - воительница. Къ ней примкнули герцогини, служанки, генеральши, фабричныя дѣвушки...

Ллойдъ Джорджъ принялъ депутацію дружески, поблагодарилъ за великодушный порывъ, котораго страна не забудетъ, поговорилъ о насущныхъ дѣлахъ и, взявъ съ камина какую-то милую штучку, показалъ ее собравшимся дамамъ:

— Вотъ это — артиллерійскій снарядъ. А вотъ это — очень изящная трубочка, которая нужна для снаряда. Ее-то вы и будете выдѣлывать. Кропотливыя женскія руки словно созданы для этой работы.

Ллойдъ Джорджъ не разстается съ этой хорошенькой бомбовой трубочкой. Онъ носить ее съ собой, какъ брелокъ. Недавно во время парламентской рѣчи онъ вынулъ ее изъ кармана, къ ужасу близко сидящихъ товарищей.

— Самое сложное и самое прекрасное созданіе механики... разумѣется, пока не взорвется! — рекомендовалъ онъ ее членамъ парламента.

На нашемъ рисункѣ запечатлѣна эта сцена. (См. стр. 162).

Особое рвеніе къ изготовленію снарядовъ обнаружили шотландскія фабричныя дѣвушки. Самъ лордъ Китчеръ, военный министръ, отмѣтилъ ихъ заслуги передъ страной. „Передайте дѣвушкамъ, работающимъ на вашихъ заводахъ, что я высоко цѣню ихъ усердіе. Страна обязана имъ чрезвычайно. Изготавливаемые ими снаряды отличаются первоклассными качествами“.

* * *

Ни для кого не тайна, что въ началѣ войны нѣкоторыя группы британскихъ рабочихъ оставались почти равнодушными. Война была такъ далеко, они не видѣли

ея жертвъ и ужасовъ. Разказы о нѣмецкихъ жестокостяхъ казались имъ газетными выдумками. Угрозу нападенія нѣмцевъ на Англію они тоже считали фантазіей. Ихъ было меньшинство, но все же много. Конечно, къ нимъ обращались съ воззваніями, ихъ пробовали убѣждать, уговаривать, но они только пожимали плечами.

И вотъ придумали радикальное средство. Для того, чтобы они сами могли убѣдиться, правду ли имъ говорить, имъ предложили на нѣсколько дней съѣздить на фронтъ—посмотрѣть. Они выбрали своихъ делегатовъ, тѣ поѣхали во Фландрію, во Францію, побывали въ окопахъ, поговорили съ солдатами и вернулись съ единственной жаждой: взяться поскорѣе за работу для быстрѣйшаго снаряженія арміи.

Имъ казалось, что вся армія милліонами глотокъ вызываетъ къ нимъ о немедленной помощи.

Вернувшись въ Англію, они сказали товарищамъ:

— Побѣда страны, ея жизнь и смерть зависать теперь отъ насъ, отъ нашихъ мозолистыхъ рукъ, и, чтобы скорѣе закончить войну, мы должны поспѣшить немедленно къ нашимъ молоткамъ и станкамъ.

Тогда же случилось другое событіе: Бенъ Тиллетъ пожелалъ посѣтить передовыя позиціи.

Кто же онъ такой, этотъ Бенъ Тиллетъ?

Секретарь могучаго Союза докеровъ, онъ пользуется въ этой средѣ очень большой популярностью. Сотни тысячъ англійскихъ рабочихъ видятъ въ немъ вождя и учителя.

Незадолго до начала войны ему случилось побывать въ Берлинѣ, и онъ увидѣлъ своими глазами, что Германія—огромная, опасная сила. Даже нѣмецкіе соціалисты говорили ему:

— Война неизбежна. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Мы побѣдимъ непременно. Наши арміи черезъ девять часовъ послѣ начала кампаніи войдутъ побѣдносно въ Парижъ.

Съ тѣхъ поръ Бенъ Тиллетъ непрестанно вызываетъ къ рабочимъ, чтобъ они кинули все, чтобъ они забыли про все, и бросились бы противъ полчищъ Вильгельма, противъ враговъ цивилизаціи и свободы.

Теперь онъ захотѣлъ самолично побывать среди британскихъ солдатъ, чтобы послѣ подѣлиться съ рабочими живыми, непосредственными впечатлѣніями и тѣмъ успѣшнѣе привлечь ихъ къ необходимымъ работамъ на армію. Военный министръ лордъ Китченеръ выразилъ ему свою живѣйшую радость по поводу его поѣздки на фронтъ. Фельдмаршалъ сэръ Джонъ Френчъ принялъ его очень сочувственно и написалъ ему сердечное письмо. Самъ Пуанкарэ, президентъ Республики, пожелалъ повидаться съ нимъ, а также генералы д'Эсперэ и Саррайль, популярные вожди французской арміи.

Бенъ Тиллетъ обратился къ англійскимъ солдатамъ, находящимся нынѣ во Франціи, съ привѣтственной ободряющей рѣчью.

Вернувшись на родину и рассказавъ о своихъ впечатлѣніяхъ, Бенъ Тиллетъ завербовалъ для британскаго воинства много новыхъ мозолистыхъ рукъ.

* * *

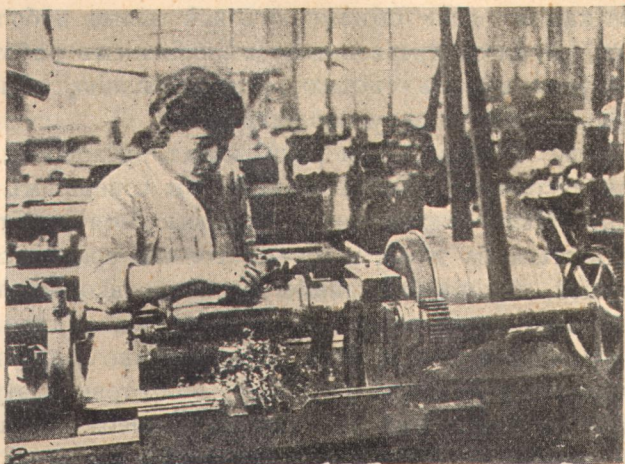
— А какъ же Франція? Чтò же она?

— Франція покуда не жалуется. Она заблаговременно приняла свои мѣры. То, чтò Англія дѣлаетъ нынче, она сдѣлала въ самомъ началѣ войны,—еще въ сентябрѣ—октябрѣ.

— Послѣдуемъ же примѣру Франціи. Пойдемъ по ея стопамъ! — настойчиво повторяетъ Ллойдъ Джорджъ.

Франція для него — идеалъ.

— Вы только подумайте, — сказалъ онъ недавно въ парламентъ, — вѣдь главные промышленные центры республики находятся въ рукахъ у непріятеля. Семьдесятъ процентовъ ея стали и другихъ подобныхъ матеріаловъ находится въ рукахъ у непріятеля. Она мобилизовала колоссальную армію и такимъ образомъ оторвала отъ

Французскія женщины изготовляют снаряды.

индустріи огромную часть населенія. Къ тому же ея промышленность—не на такой высотѣ, какъ англійская. Она все еще страна земледѣльческая. И все же она создала чудеса. Ея армія снаряжена превосходно.

Когда Ллойд Джорджу понадобились указанія, совѣты, онъ отправился за ними во Францію. Тамъ его даровитый коллега, Тома, французскій министръ снаряженія арміи, подѣлился съ нимъ своимъ богато-накопленнымъ опытомъ.

Онъ рассказалъ ему, какъ всѣ до единого техники, инженеры, механики были отозваны съ фронта—обратно къ рабочимъ станкамъ, какъ всѣ рабочіе, прикосновенные къ горному и сталелитейному дѣлу, были мобилизованы для снаряженія арміи, какъ всѣ крупные и мелкіе заводы были реквизированы для военныхъ же надобностей, какъ въ краткій срокъ удалось обучить пятьсотъ тысячъ французскихъ женщинъ этой отвѣтственной и трудной работѣ, какъ военное вѣдомство отрядило цѣлый легіонъ инженеровъ-инспекторовъ, ко-

торые каждый день объѣзжаютъ всѣ малые и большіе заводы, слѣдя за правильнымъ выполненіемъ работъ.

Вернувшись изъ поѣздки во Францію, Ллойдъ Джорджъ заявилъ съ удовольствіемъ:

— Если Франція, при настоящихъ условіяхъ, совершила столько чудесъ, значить, мы совершимъ еще больше! Наши техническіе ресурсы богаче. Стоить намъ взяться за дѣло, и мы не только сравнимся съ Германіей, мы въ ближайшіе же нѣсколько мѣсяцевъ превзойдемъ ее во всѣхъ отношеніяхъ. Наше дѣло правое, наше дѣло святое, побѣда непремѣнно за нами, но нужно оборудовать, организовать, подготовить эту побѣду, а не ждать, что она свалится съ неба. Мы заслужили побѣду, но мы должны добиться ея!

* * *

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда работа Ллойда Джорджа наладилась, извѣстный корреспондентъ г. Діонео, имѣвшій случай объѣхать всю Англію, былъ пораженъ тѣми сказочно-огромными успѣхами, которыхъ въ такой короткій срокъ достигла страна, вдохновляемая геніальнымъ министромъ.

Въ статьѣ г. Діонео читаемъ:

„Вотъ громадный оружейный заводъ, выросшій тамъ, гдѣ въ ноябрѣ 1914 г. было еще поле. Теперь мастерскія, наполненныя усовершенствованными машинами, занимаютъ площадь въ девять десятинъ. Одно изъ отдѣленій этого завода представляетъ собой гигантскую галерею, въ которой 3.500 мужчинъ и женщинъ готовятъ ударныя трубы снарядовъ, трубы для большихъ снарядовъ, „стаканы“ и затравники... Вотъ другое отдѣленіе. Мѣсяць тому назадъ не была выведена еще крыша надъ нимъ, а теперь оно наполнено машинами, и тысяча человекъ изготовляетъ различныя части снарядовъ. Машины всѣ совершенно новыя и поражаютъ своимъ совершенствомъ. Часть этихъ машинъ привезена изъ Аме-

рики, но другія машины придуманы и сооружены въ Англіи уже послѣ того, какъ началась война...

У токарныхъ станковъ стоятъ женщины, обтачивающія „стаканы“. До войны онѣ были продавщицами, конторщицами, горничными. Теперь онѣ поразительно быстро приспособились къ новой работѣ. Война, уносящая „какъ вихрь въ полѣ“ жизни, дала сотнямъ тысячъ женщинъ экономическую независимость.

Мы—въ К. „Городъ трехъ колоколенъ“, какъ называли К. средневѣковые лѣтописцы (городъ былъ большимъ поселеніемъ уже въ IV вѣкѣ), теперь съ большимъ правомъ можетъ быть названъ „городомъ сотенъ оружейныхъ мастерскихъ“. За пять лѣтъ до войны въ К. было 50 тысячъ жителей, а теперь—100 тысячъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началась война, не только старые заводы приспособлены для изготовленія боевыхъ снарядовъ, но выросли новые гигантскіе заводы, въ которыхъ десятки тысячъ „рукъ“ сверлятъ пушки, точатъ снаряды, изготовляютъ патроны и тысячи вещей, необходимыхъ англичанамъ и союзникамъ для борьбы съ германцами. И тутъ мы видимъ десятки новыхъ машинъ, придуманныхъ уже послѣ того, какъ началась война. Здѣсь можно наблюдать весь процессъ превращенія стального бревна въ Молоха, голодный ревъ котораго не укрощаютъ даже тысячи жертвъ. Въ К. изготовляются также военные автомобили всѣхъ родовъ, которые въ такомъ громадномъ количествѣ требуются теперь на фронтѣ. Наблюдатель пораженъ, когда попадаетъ на заводъ, изготовляющій такіе автомобили. Передъ нимъ—своеобразный городъ. Мы идемъ безконечными улицами, обставленными вмѣсто домовъ механическими экипажами всякаго рода. Тутъ—колоссальные фургоны для фуража, кареты для раненыхъ, платформы, автомобили въ видѣ сѣрой торпеды. Такихъ экипажей тысячи. „Городъ“ занимаетъ площадь въ нѣсколько десятинъ

Тысячи „рукъ“ изготовляютъ эти экипажи съ такой же ловкостью и быстротой, какъ „стаканы“ и ударныя

трубки. Средній заработокъ въ К. теперь—2 ф. 15 ш. въ недѣлю, при чемъ искусные рабочіе получаютъ 5 и даже 6 ф. ст. въ недѣлю *). На заводахъ въ К. изготовляются новыя изобрѣтенія, придуманныя за время войны. Тутъ требуются поэтому главнымъ образомъ очень искусные рабочіе. И опять-таки приходится поражаться тому, какъ быстро приспосаблиются къ такой работѣ женщины. Въ К.—нѣсколько оружейныхъ мастерскихъ, въ которыхъ работаютъ волонтеры, принесшіе родинѣ свой трудъ даромъ. Тутъ—молодые, состоятельныя женщины и мужчины, удалившіеся отъ дѣлъ. Въ особой мастерской эти волонтеры обучаются ремеслу. Объ усердіи ихъ говоритъ то, что женщины работаютъ по десяти часовъ въ день. Работа состоитъ въ обтачиваніи на станкахъ „стакановъ“ для снарядовъ. Въ мастерской этой работаютъ, въ числѣ прочихъ, сынъ и наслѣдникъ пэра, два врача, двѣ дамы, имѣющія ренту по 500 ф. ст. въ годъ, и т. д. Въ К. насъ поражаетъ помимо всего та быстрота, съ которой небольшіе заводы и мастерскія приспособляются для военныхъ цѣлей. Вотъ, напримѣръ, мастерская, раньше изготовлявшая одну изъ специальностей К.—велосипеды. Въ ней—два токарныхъ станка. Мастерская быстро начинаетъ готовить вмѣсто велосипедовъ снаряды. Она работаетъ по восьми часовъ въ день. Изъ министерства снарядовъ прибываетъ телеграмма: „Не можете ли работать по 12 часовъ въ сутки?“—„У меня нѣтъ для этого достаточно стали“,—отвѣчаетъ хозяинъ мастерской. Черезъ недѣлю мастерская имѣетъ уже вдоволь стали и работаетъ 12 часовъ. Въ . . . много часовыхъ дѣлъ мастеровъ. Теперь они готовятъ тѣ части пушечнаго механизма, которыя требуютъ необыкновенной точности... Такимъ образомъ использованы трудъ и искусство всѣхъ желающихъ работать. Въ мастерскихъ, гдѣ годъ тому назадъ стояли ряды велосипедовъ, теперь стоятъ покрытыя брезентами безконечныя шеренги сна-

*) Т. е. около 250 рублей въ мѣсяцъ. К. Ч.

рядовъ. Тутъ „карлики“ и бронебойные гиганты, летящие, говорятъ, на 25 миль.

Мы—въ Б., вѣчно окутанномъ черной тучей, созданной безчисленными фабричными трубами. Какъ громадные драконы, пыхтятъ гдѣ-то во мглѣ непрерывно мчащіяся паровозы да завываютъ фабричные гудки. До войны Б. насчитывалъ сотни специальностей. Теперь этотъ черный городъ—одинъ колоссальный арсеналъ. Скажу точнѣе: Б. теперь — самый большой арсеналъ въ мірѣ. Эссенъ не можетъ сравниться съ нимъ. Большіе сталелитейные заводы превосходятъ размѣрами эссенскіе заводы *), кромѣ того въ англійскомъ городѣ есть еще много мелкихъ заводовъ, которые всѣ теперь изготовляютъ военные снаряды какъ для Англіи, такъ и для союзниковъ. Одинъ громадный заводъ занимаетъ теперь площадь въ 30 десятинъ (до войны—15 десятинъ). Фирма уже израсходовала милліонъ фунтовъ стерлинговъ на приспособленія къ новымъ условіямъ и расходуетъ теперь еще милліонъ фунтовъ стерлинговъ. До войны этотъ заводъ готовилъ только „мирныя“ вещи, а теперь—только орудія разрушенія до 15-дюймовыхъ бронебойныхъ снарядовъ включительно. На изготовленіи этихъ снарядовъ заводъ даже специализировался. Мы идемъ изъ одной гигантской мастерской въ другую и всюду видимъ только безконечные ряды громадныхъ сверкающихъ снарядовъ. На этомъ заводѣ работаютъ теперь 12 тысячъ человѣкъ. Эта же фирма имѣетъ другой заводъ, гдѣ готовятъ только пушки. Тутъ работаютъ девять тысячъ человѣкъ. Чудомъ завода считаются машины въ отдѣленіи, гдѣ закаляются пушечные „хоботы“. Мы узнаемъ, что за время войны на этомъ заводѣ сдѣланы были новыя усовершенствованія и изобрѣтенія, о которыхъ германцы узнаютъ опытно на полѣ битвы...

Отправимся въ Здѣсь былъ до войны громадный локомотивостроительный и вагоностроительный

*) Эссенъ—нѣмецкій городъ, гдѣ находятся грандіозные заводы Круппа.

заводъ. Теперь онъ превращенъ въ арсеналь. Одно отдѣленіе завода, гдѣ работаютъ четыре тысячи „рукъ“, специализировалось на пушечныхъ станкахъ, требующихъ большой точности.

Такую же усиленную работу, какъ въ , мы наблюдаемъ и въ другихъ частяхъ Англіи. Всюду, гдѣ есть каменный уголь, города и посады превратились и превращаются въ громадныя арсеналы, работающіе для Англіи и для союзниковъ. И всюду на заводахъ творческая мысль совершенствуетъ старое и создаетъ новыя изобрѣтенія, о которыхъ не кричатъ со всѣхъ колоколенъ, какъ въ Германіи... И правительство и населеніе воспользовались сдѣланными ошибками и теперь энергично, дѣловито, настойчиво исправляютъ ихъ...“ („Рус. Вѣд.“. 1915. Ноябрь).

XVI.

ВЕЛИКОЕ ВЪ МАЛОМЪ.

— „Съроглазый! Только въ тебѣ моя жизнь! Безъ тебя я моментально умру“.

— „Отчего же, едва я приближаюсь къ тебѣ, между нами разверзается бездна? Или это воля судьбы?“

— „Сердце мое разобьется, если ты покинешь меня. Ты мое сокровище на вѣки вѣковъ!“

— „Я гибну, я въ омутѣ, спасенія нѣтъ. Такъ и пропаду въ одиночествѣ, если ты не протянешь мнѣ руку!“

— „Ты навѣки въ моихъ мысляхъ, въ моемъ сердцѣ!..“

Откуда, изъ какого романа, эти взволнованныя безсвязныя рѣчи, этотъ пламенный шопотъ любовниковъ, прерываемый слезами и лобзаніями, гдѣ-нибудь надъ рѣкой, подъ акаціей?

Ахъ, это ничуть не романъ. Это просто объявленія въ газетѣ. Они напечатаны въ лондонскомъ „Times'ѣ“ рядомъ съ другими рекламами,—о пилюляхъ, о Пирсовомъ мылѣ. Я читаю ихъ изо дня въ день: въ нихъ столько любопытнаго, милаго. Они публикуются на первой страницѣ подъ заголовкомъ „Личныя Дѣла“.

Странно видѣть, какъ человѣкъ признается въ любви передъ сотнями тысячъ свидѣтелей. Вся Англія читаетъ въ газетахъ, что какая-то бѣлокурая Мэри для него—„фіалка“ и „козочка“. Онъ оповѣщаетъ всю Англію (а заодно и Австралію, и Канаду, и Южную Африку), что вчера онъ поджидалъ ее въ паркѣ до самого вечера, а она не пришла, обманула! И мы, всесвѣтные читатели

„Times'a“, — тысячи, миллионы человекъ, — издали ему безмолвно сочувствуемъ. Онъ ждалъ, а она не пришла! Онъ вынималъ ежеминутно часы, онъ бѣгалъ отъ скамейки къ скамейкѣ, онъ звалъ ее: „приди же! приди!“, но она не пришла, обманула!

Голодный, иззябшій, встревоженный, онъ бросился въ контору газеты и за шесть шиллинговъ, за три рубля, послалъ ей кроткій любовный укоръ:

„Милая, почему не пришла? Или ты больна? Или тебѣ помѣшали? Или разлюбила своего Агамемнона?“

Этотъ кроткій негромкій упрекъ, который онъ хотѣлъ бы чуть слышно прошептать ей наединѣ на ушко, раздается громогласно на весь міръ, несется раскатами грома черезъ моря, океаны...

Интимное, стыдливое, прячущееся вынесено на всенародныя очи!

Я всегда съ такимъ волненіемъ читаю въ „Times'ъ“ и въ „Daily Telegraph'ъ“:

— „Милая! Прости, позови! Меня оклеветали напрасно. Я тебѣ все объясню“.

— „Милый! Я такъ одинока, но сердце переполнено любовью“.

— „Молинетта! Напиши хоть строку. Не забывай своего Мелеандра“.

Конечно, они прикрываются вымышленными именами, столь звучными! Джэкъ становится здѣсь Мелеандромъ, а простенькая Дженни—Силизеттой. Отъ этого ихъ любовь поэтичнѣе. Она пріобрѣтаетъ что-то оперное. Такъ и мелькаютъ предъ нами Лючіи, Камиллы, Агамемноны. И чудится, что этотъ Мелеандръ — съ гитарою подъ бархатнымъ плащомъ, а Молинетта—цирковая наѣздница въ рыжемъ парикѣ и съ хлыстомъ... „Молинетта, напиши же хоть строчку, не забывай своего Мелеандра!“

Иногда они просто подписываются буквами, инициалами, цифрами. Влюбленные бухгалтеры, должно-быть. Странно видѣть подъ любовной запиской:

— „Твоя 110-я“.

— „Твой 112-й“.

Это звучит такъ чудовищно.

Конечно, никакихъ неприличностей въ этомъ отдѣлѣ не встрѣтишь. Все корректно и чинно — по-англійски. Стиль преобладаетъ возвышенный:

— „Чѣмъ я могу доказать всю силу моей любви? Приказывайте, я согласенъ на все. Все, что захотите, я исполню“.

Но, конечно, не все же любовь. Бываютъ и другія заботы.

Сбѣжитъ ли болонка, пропадетъ ли кольцо, забудете ли вы зонтикъ въ трамваѣ, ваше прибіжище здѣсь, на этомъ газетномъ столбцѣ. Попадаются и такія воззванія:

— „Молодая дама сидитъ, сложа руки, хотя имѣетъ большія способности. Проситъ посовѣтовать ей, какъ лучше употребить свое время“.

— „Я уничтожаю мозоли и выпрямляю на ногахъ кривые пальцы“.

* * *

Такъ было до войны. А теперь?

Теперь беру ту же газету, гляжу и не вѣрю глазамъ.

Невѣроятно, немыслимо! Предо мной такое объявленіе:

— „Кожа.—Офицеру необходимо 3×4 вершка (человѣческой) кожи, чтобы покрыть ею рану и тѣмъ ускорить возвращеніе на войну. Самоотверженные патріоты, откликнитесь!“

Неужели это не въ бреду, не во снѣ? Нѣтъ, это самая реальная правда, и возвѣщена она въ „Times'ѣ“ отъ 28-го апрѣля. Васъ просятъ, чтобы вы ножомъ или бритвой содрали кожу у себя со спины, величиной съ носовой платокъ, и подарили нуждающемуся.

Война нагло ворвалась и сюда, въ этотъ идиллическій уголокъ, гдѣ голубыми ворковали влюбленные, и все перевернула вверхъ дномъ.

К. Чуковский. „Заговорили молчавшіе“.

Мелеандръ превратился въ Томми Аткинса и сидитъ коченья, въ окопахъ.

— „Прощай, Молинетта! Пиши. Буду думать о тебѣ ежечасно!“

А Молинетта превратилась въ миссъ Смиссъ и, въ качествѣ сестры милосердія, „покорнѣйше проситъ читателей присылать ей кальсоны, фуфайки, носки, вязанные теплые жилеты“.

Изрѣдка изъ своей мокрой норы охрипшимъ, но неунывающимъ голосомъ Мелеандръ перекликается съ нею на томъ же газетномъ столбцѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы съ содроганіемъ прочтемъ (опять-таки тамъ же, въ газетѣ!), что престарѣлая мистрисъ Аткинсъ проситъ товарищей ея погибшаго сына сообщить ей по такому-то адресу всѣ подробности его доблестной смерти.

Такихъ материнскихъ просьбъ нынче неисчислимо множество. Лучше бы ихъ было поменьше!

— „Въ Дарданеллахъ безъ вѣсти пропалъ флотскій субъ-лейтенантъ Бэзилъ Смитъ. Его родителями всякое сообщеніе о немъ будетъ принято съ величайшей признательностью“, — напечатано въ „Times'ъ“ отъ 5-го августа.

— „Свѣдѣнія о капитанѣ Гарольдѣ Перира, безъ вѣсти пропавшемъ на Галлиполи, будутъ приняты съ большою благодарностью его матерью, миссисъ Перира“.

Этихъ публикацій все больше, но къ нимъ никакъ невозможно привыкнуть. Лучше бы не отзывался никто на эти материнскіе зовы. Пусть встревоженная миссисъ Перира такъ и не дожидется вѣстокъ выпрашиваемыхъ ею вѣстей. Пусть останутся глухи къ разспросамъ родителей товарищи Бэзиля Смита, — и да не соблазняются они благодарностью, которую тѣ общаютъ заранѣе!

Невольно отъ такихъ объявленій глаза убѣгаютъ къ другимъ и нерѣдко наталкиваются на весьма эксцентричныя, почти невѣроятныя строки.

Я, напримѣръ, не безъ удивленія узналъ, что въ Англіи, въ Бромли, имѣется госпиталь, основанный одними Маргаритами. Такъ и называется: „Лазаретъ Мар-

гарить". Если вы не Маргарита, не смѣйте туда жертвовать деньги! Ихъ у васъ ни за что не возьмутъ. Казначеемъ этого милаго госпиталя состоитъ лэди Маргаретъ Кэмпбелъ, а во главѣ его — лэди Маргаретсъ. Ее хоть и не зовутъ Маргаритой; но зато ея фамилія — Маргаретсъ.

Обо всемъ этомъ я догадался по четыремъ очень мелкимъ строкамъ объявленія въ „Times“ отъ 5-го августа и, конечно, благословилъ небеса, что въ Англіи такъ много Маргаритъ.

Въ томъ же номерѣ меня удивило воззваніе Собачьяго и Кошачьяго Фонда въ пользу плѣнныхъ, находящихся въ Германіи.

Одинъ лишь фоксъ-терьеръ (кличка Томъ) собралъ для этихъ узниковъ 13.000 рублей! Его хозяинъ скончался въ нѣмецкомъ плѣну, и теперь, по предложенію хозяйки-вдовы, всѣ владѣльцы кошекъ и собакъ добровольно обложили себя шестипенсовымъ налогомъ въ пользу плѣнныхъ, заключенныхъ въ Германіи.

Этотъ фондъ такъ и называется въ „Times“: „Dogs and Cats of Empire Fund or British Prisoners in Germany“.

Васъ это коробитъ, шокируетъ? Почему же это не коробитъ британцевъ, которые чиннѣе и чопорнѣе? Въдь цѣною такихъ эксцентричностей устроены отличнѣйшій госпиталь и купленъ для плѣнныхъ хлѣбъ. Англичане даютъ полный просторъ частной инициативѣ, находчивости, и что за бѣда, если она приметъ пороку вульгарныя, грубыя формы! Никто не смѣетъ запретить человѣку быть неизящнымъ, аляповатымъ...

Какихъ только нѣтъ публикацій въ этой удивительной рубрикѣ съ самаго начала войны!

— „Если вы заика, и васъ изъ-за этого не принимаютъ въ солдаты, я бесплатно излѣчу вашъ недугъ“.

— „50.000 рублей предлагаетъ газета „Daily Mail“ за лучший фотографическій снимокъ, относящійся къ теперешней войнѣ“.

— „Отчего въ послѣднее время безпрестанно идутъ дожди? Это плачетъ само Провидѣніе надъ кровопролитнымъ побоищемъ“.

— „Продаются германскія каски и другіе трофеи войны въ пользу увѣчныхъ и раненыхъ“ *).

Вотъ нѣсколько типичныхъ объявленій. Особенно мнѣ нравится то, гдѣ говорится объ изобильныхъ дождяхъ. Человѣка ослѣпила идея, что это слезы самого божества, плачущаго надъ людскими страданіями, и онъ не счелъ себя въ правѣ таить эту драгоцѣнную идею отъ міра. Онъ поспѣшилъ съ этой идеей въ газету и, заплативъ шесть шиллинговъ, обнародовалъ для всеобщаго свѣдѣнія то, что ему кажется истиной.

Можетъ-быть, это смѣшно, но безъ этого міръ не имѣлъ бы ни Роберта Оуэна, ни Кобдена, ни Голіока. Здѣсь главная основа общественности. Здѣсь лишь случайно-комичныя стороны серьезнаго большаго явленія.

Если англичанину кажется, что для скорѣйшаго окончанія войны необходимо введеніе рекрутчины и упраздненіе вербовки волонтеровъ, онъ отправляется въ „Times“ и печатаетъ такую публикацію:

— „Война закончится въ шестимѣсячный срокъ, если въ Англіи тотчасъ же будетъ объявленъ всеобщій рекрутскій наборъ“. (28-го апрѣля 1915 г.).

И платить за это шесть шиллинговъ.

Вообще обращаться „въ газету“ со всѣми своими желаніями, нуждами, мнѣніями вошло у британца въ привычку. Не къ начальству онъ всегда апеллируетъ, а къ обществу, къ народной „громадѣ“. Тамъ онъ ищетъ утolenія скорбей, искорененія всякихъ неправдъ. У насъ, въ Россіи, показались бы дикими такія, напримѣръ, объявленія:

— „Капитану (женатому) необходимы немедленно 200 рублей. Будетъ выплачивать по 30 рублей въ мѣсяцъ. Просить какого-нибудь щедраго патріота помочь“.

*) Объявленія, напечатанныя въ настоящей главѣ, я заимствую изъ газеты „Times“ за 14-е октября 1914 г. и 28-е апрѣля, 17-е и 18-е мая, 21-е іюня, 31-е іюля, 5-е и 6-е августа 1915 г. Нѣкоторыя взяты изъ газеты „Daily Telegraph“.

— „Офицеръ, отправляясь на фронтъ, просить на время войны одолжить ему мотоциклетку, дабы онъ могъ лучше выполнить свой долгъ передъ родиной“. („Times“, 28-го апрѣля).

— „Молодой джентльменъ страшно жаждетъ изучить авіаціонное дѣло, чтобъ отправиться на фронтъ военнымъ летчикомъ. Обращается къ богатымъ патріотамъ съ просьбой о денежной помощи“. („Times“, 21-го іюня).

— „Не дастъ ли кто-нибудь свой граммофонъ (вмѣстѣ съ граммофонными пластинками) для посылки выздоравливающихъ британскимъ солдатамъ на фронтъ?“

— „Жена офицера, находящагося на дѣйствительной службѣ, просить гостепріимныхъ людей предоставить ей въ Тидвортѣ, куда командированъ ея мужъ, столъ и квартиру для нея и для дочери за самую дешевую плату“.

— „Безногій просить сострадательныхъ имущихъ людей дать ему необходимыя средства для пріобрѣтенія искусственной ноги“.

— „Офицеру экстренно нуженъ бинокль...“ — „Бригадиру для обученія солдатъ временно необходимъ автомобиль...“ — „Дачка надъ рѣкою нужна раненому, любящему рыбную ловлю“.

Такихъ объявленій—безъ счета, и, конечно, порою за ними скрывается немало попрошайекъ и пройдохъ. Безъ этого не обойтись никогда. Но самая основа—отличная. Взаимопомощь, міровое сотрудничество, всемірное содружество людей! „Громада“ выручить, „громада“ поддержать; только попроси, — она дастъ! И бѣдный капитанъ непременно получитъ вождедѣнные двѣсти рублей; и его товарищъ непременно помчится на фронтъ на подаренной чужой мотоциклеткѣ. И тотъ раненый, — сколько наловить форелей, живя надъ рѣкой, въ чужой дачѣ. Намъ, русскимъ, было бы конфузно просить чрезъ газету, чтобы кто-нибудь далъ намъ бинокль или заплатилъ за насъ долгъ, но это просто непривычка къ публичности. Тотъ молодой человѣкъ, чтó хочетъ научиться летать, — если бы онъ не былъ англичаниномъ, искалъ бы

повсюду протекціи, рекомендабельныхъ писемъ, кланялся, обивальъ бы пороги, и, можетъ-быть, нашель бы „благодѣтеля“... къ самому окончанію войны. Не лучше ли обратиться въ газету—къ тысячамъ невѣдомыхъ людей!

Люди выручатъ, люди помогутъ. Такія просьбы не остаются безъ отклика. На томъ же газетномъ столбцѣ множество такихъ публикацій, гдѣ выражено желаніе помочь.

— „Пожилой джентльменъ сорока семи лѣтъ хотѣлъ бы оказать финансовую помощь какому-нибудь неимущему юношѣ, который изъ-за запутанныхъ денежныхъ дѣлъ не можетъ итти на войну“.

— „Я служилъ въ банкѣ. Теперь живу на покоѣ. Мнѣ пятьдесятъ три года. Я готовъ на все время войны замѣнять безвозмездно на службѣ какого-нибудь молодого конторщика, желающаго итти въ добровольцы“.

Облегчить бы кому-нибудь бремя войны!—такая забота высказывается во множествѣ подобныхъ объявленій.

Ласковыя, щедрыя руки такъ и простираются сами.

— „Двадцатилѣтняя дочь адвоката хотѣла бы работать безъ жалованья въ какомъ-нибудь не лондонскомъ госпиталѣ“.

— „Дама желала бы принять къ себѣ въ домъ и воспитывать съ собственной дочерью малолѣтнюю дочь офицера, павшаго на полѣ сраженія“.

Не только общества, организациі, союзы, но и отдѣльныя личности стремятся какъ-нибудь помочь, услужить мученикамъ и жертвамъ войны.

Не даромъ у такихъ объявленій заголовокъ „Личныя Дѣла“.

*
*
*

— „Безплатно. Дама, живущая въ Лондонѣ, предлагаетъ бельгійской бѣженкѣ (съ однимъ малолѣтнимъ ребенкомъ) меблированную комнату и столъ“.

— „Комнату и столъ на все время войны предлагаю интеллигентной бельгійской семьѣ“.

Это печаталось въ тѣ черные дни, когда прогнанные отъ родныхъ очаговъ тысячи бельгійскихъ семействъ хлынули испуганными толпами въ Англію—искать утѣшенія и крова. Тогда на этомъ газетномъ столбцѣ безпрестанно велась перекличка:

— „Гдѣ Атуръ?“

— „Пріѣхалъ ли Ренэ?“

— „Няня и дѣти благополучно пріѣхали въ Лондонъ“.

— „Прибывшій изъ Брюсселя Пьеръ Оливье находится въ добромъ здоровьѣ“.

Люди аукались въ многомилліонной столицѣ, перекликались, какъ въ маленькой рощѣ.—„Гдѣ Маріанна?“— „Я здѣсь“.—„Не забыла ли ты кошелька?“

Устраивались на чужбинѣ, какъ дома, ибо чужбина приняла ихъ такъ нѣжно, съ такимъ экзальтированнымъ, щедрымъ радушіемъ, какого и нельзя было ждать отъ „угрюмой и непривѣтливой“ Англіи.

Какъ великолѣпно почувствовали себя бездомные, безпріютные люди на этой гостепріимной чужбинѣ, видно хотя бы изъ такихъ объявленій, которыя пестрѣли въ то время подъ заголовкомъ „Личныя Дѣла“.

— „Двѣ интеллигентныя бельгійскія дѣвушки просятъ одолжить имъ до такого-то срока два дамскіе велосипеда. Возвратятъ съ благодарностью въ цѣлости“.

Или:

— „Не дастъ ли какая-нибудь добрая лэди разоренной войною старухѣ-бельгійкѣ, только-что прибывшей изъ Антверпена, зеркало и старую кровать?“

Я увѣренъ, что эта старая женщина получила цѣлую сотню зеркалъ,—маленькихъ, большихъ, четырехугольныхъ, овальныхъ!—такъ широко были отверсты въ ту пору сердца англичанъ къ героямъ-страдальцамъ-союзникамъ.

Въ то время стоило только сказать: „я бельгіецъ“, чтобы къ тебѣ протянулись дающія добрыя руки.

Любопытно слѣдить, какъ на этихъ „Личныхъ Дѣлахъ“, часто такихъ маленькихъ, мелкихъ, отражаются міровыя событія.

Когда нѣмцы потопили „Лузитанію“, я только и читалъ на столбцѣ объявленій такія жуткія однообразныя строки:

— „Спасшіеся пассажиры „Лузитаніи“! Не видалъ ли кто изъ васъ мистера Линдона Бэтса? Утонулъ ли онъ, живъ ли, сообщите!“

— „Кто изъ спасшихся пассажировъ „Лузитаніи“ можетъ описать, какъ погибъ мистеръ В. Бродвинъ Клоэтъ? Видѣвшіе его въ день катастрофы благоволятъ сообщить всѣ подробности его вдовѣ, живущей тамъ-то и тамъ-то“.

Конечно, тутъ же примостилась реклама о какихъ-то спасательныхъ жилетахъ изъ пробки, которые за дешевую плату можно купить на квартирѣ у нѣкогого мистера Гайвса. „Спросите бывшихъ пассажировъ „Лузитаніи“. Только эти жилеты сохранили имъ жизнь“.

Злодѣйская расправа съ „Лузитаніей“ такъ разъярила всю Англію, что живущіе тамъ Шульцы и Шмидты почувствовали себя не совсѣмъ хорошо. Ихъ нѣмецкія фамиліи сдѣлались каиновой печатью, проклятьемъ. Всѣ сторонились ихъ, какъ зачумленныхъ, видя въ нихъ моральныхъ соучастниковъ этого морского разбоя. И вотъ, чуть только потонула „Лузитанія“, они стали публично отрещиваться отъ своихъ непопулярныхъ именъ.

На газетной страницѣ, какъ въ зеркалѣ, появились испуганныя фізіономіи Шульцевъ, которые съ безумной поспѣшностью гримировались Джонами Буллями.

Герръ Краусъ заявляетъ въ газетѣ, что отнынѣ онъ мистеръ Кроссъ. Герръ Вайсъ превращается въ мистера Уайза. Герръ Бергтейль, съ изволенія властей, заявляетъ, что отнынѣ онъ будетъ Берклеемъ и сочтетъ для себя оскорбленіемъ, если кто назоветъ его иначе. Филиппъ Шидровитцъ спѣшитъ заявить, — тоже путемъ публикаціи, — что всѣ его симпатіи съ дѣтства на сторонѣ англичанъ.

— „Я, Іосифъ Мельцеръ, принявшій британское подданство, отказываюсь отъ моей прежней фамиліи и буду съ нынѣшняго дня называться только Джозефомъ Мельтономъ“.

Такъ неожиданно и странно отразилась въ нашемъ

удивительномъ зеркальцѣ гибель парохода „Лузитанія“! Зеркальце кривое и маленькое, но до чего любопытно слѣдить, какъ въ этомъ крошечномъ стеклышкѣ отражаются прихотливымъ узоромъ грандіозныя катастрофы и бѣдствія. Событія теперь такъ колоссальны, во всемъ такой необъятный масштабъ, что забываешь объ отдѣльныхъ человѣчкахъ, объ отдѣльныхъ человѣческихъ жизняхъ, и видишь только милліонноголовые полчища, только широчайшія перспективы и дали. Отдѣльный человѣкъ почти исчезъ, и вмѣсто него на аренѣ исторіи дѣйствуютъ какія-то многолікія, безлікія силы. Все стало массовымъ, хоровымъ, гуртовымъ. Мы не умѣемъ теперь говорить объ „отдѣльныхъ“ англичанахъ, французахъ, мы говоримъ отвлеченно: „Англія“, „Франція“, „Бельгія“. И потому-то меня потянуло заглянуть на минуту въ тотъ уголъ, въ тотъ маленькій укромный закоулокъ, гдѣ такіе разнообразныя, несхожіе люди говорятъ о своихъ разнообразныхъ, несхожихъ заботахъ. Меня привлекъ этотъ странный, нынѣ столь рѣдкостный заголовокъ: „Личныя Дѣла“,—дѣла маленькихъ Джонсовъ и Джонсоновъ, и я съ волненіемъ сталъ наблюдать, какъ въ этихъ „личныхъ дѣлахъ“ отражается Вселенское Дѣло.

А жизнь не остановилась, идетъ,—и поцѣлуи попрежнему сладостны, и попрежнему благоуханны цвѣты. Попрежнему на этой интимной страничкѣ, забрызганной человѣческой кровью, появляются (такъ рѣдко, такъ робко) любовныя поэтичныя строки:

— „Аврикій, я получила и твое письмо и сонеты. Отдала бы всю жизнь, чтобы увидѣть тебя“.

Это напечатано въ „Times'ъ“ отъ 6-го августа минувшаго года.

Сонеты! Онъ написалъ ей сонеты! Онъ воспѣвалъ свою Прекрасную Даму въ сонетахъ, когда весь Альбіонъ говорилъ о Дарданелльскихъ фортахъ, объ Аргоннахъ!

Озаренный всемірнымъ пожаромъ, Петрарка, какъ и прежде,—Петрарка, хотя его и зовутъ Томми Аткинсъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ автора	3
I. Солдатскія письма	5
II. Русскія письма и англійскія.	10
III. Навстрѣчу врагу.	19
IV. Дѣти и женщины.	31
V. Англійскіе солдаты о врагѣ	37
VI. Набѣгъ на Гельголандскую бухту	48
VII. Битва подъ Монсомъ	60
VIII. Юмористы.—Спортсмены	72
IX. „Мы“	85
X. „Въ чѣловѣцѣхъ благоволеніе“	91
XI. Событія послѣдняго времени	106
XII. Два письма	125
XIII. Гимны Ненависти и Гимны Любви	129
XIV. Какъ въ Англіи вербуютъ добровольцевъ	141
XV. „Снарядовы! Снарядовы! Снарядовы!“	152
XVI. Великое въ маломъ.	175

241520

ОГЛАВЛЕНИЕ

1	ОГЛАВЛЕНИЕ
2	I. Введение
10	II. История науки и техники
19	III. Математика
31	IV. Физика и астрономия
37	V. Химия и естественные науки
48	VI. Биология и география
60	VII. Искусство и литература
72	VIII. Философия — Словарь
85	IX. Музыка
91	X. Искусство и литература
101	XI. Современная наука и техника
120	XII. Заключение
120	XIII. Заключение и перспективы
141	XIV. Заключение и перспективы
152	XV. Заключение и перспективы
175	XVI. Заключение и перспективы

211210

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА С.Д.У.

Вид. 2а

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

124

5.